

18+

СТЕФАН ЖЕРОМСКИЙ

Сизифов труд

Стефан Жеромский

Сизифов труд

«Издательские решения»

Жеромский С.

Сизифов труд / С. Жеромский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694035-2

Действие автобиографической повести классика польской литературы Стефана Жеромского происходит на территории Польши во второй половине 19 века. Это история об особом значении школьного образования в то время, о том, с какими трудностями приходилось встретиться героям повествования, о непростом процессе становления юных личностей, о грубых и тщетных попытках русификации образования, проводимой царскими чиновниками.

ISBN 978-5-00-694035-2

© Жеромский С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сизифов труд

Стефан Жеромский

Переводчик Константин Эдуардович Щая-Зубров

© Стефан Жеромский, 2026

© Константин Эдуардович Щая-Зубров, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-4035-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Отправка Мартина в школу выпала на четвертое января.

Супруги Боровичи постановили отвезти своего единственного сына сами. Коней запрягли в крашенные кованые сани, в которых основное сиденье устлали цветастым стриженным ковром, обычно висящим над кроватью пани, и около часу дня под всеобщий плач тронулись в путь.

День был ветреный и морозный. Несмотря на то что вершины взгорий были окутаны снежным вихрем, замерзшие пустоши на обширных долинах между лесами лежали спокойно и практически тихо. От них только тянуло холодом да веял похожий на мельчайшую шелуху снег. То и дело поверх сугробов перемещались полосы легчайшей снежной пыли, напоминающей золу в потушенном костре.

Парень, сидящий на козлах, в своём остроконечном башлыке (который с давних времён прижился в здешней местности и даже получил собственное название – «маслох») и бурой сермяге напоминал головку сахара в серой бумаге; он крепко держал вожжи в руках, укрытых огромными шерстяными рукавицами с отдельными большими пальцами.

Хорошо отдохнувшие, не привлекавшиеся определённое время к тяжёлым работам кони неслись, фырча, острой рысью по едва пробитой и наполовину занесённой дороге, сухо и равномерно стуча подковами по намёрзшему снежному насту.

Валентин Борович дымил трубкой с коротким чубуком, то и дело деловито высовываясь вбок посмотреть, как едут сани и сверкают копыта. Ветер немилосердно хлестал по его раскрасневшемуся лицу, и несомненно именно он вызывал те слёзы, которые шляхтич вытирал украдкой.

Пани Борович даже не пыталась скрыть своё волнение. В её глазах, уставленных на сына, постоянно стояли слёзы. Её лицо, некогда красивое, а в настоящее время изрядно износившееся через заботы и грудную болезнь, имело необычное выражение задумчивости или глубокого и горького рассуждения.

Малец сидел «в ногах», спиной к коням. Был то большой, плотный, мускулистый восьмилетний мальчик с лицом не столько красивым, сколько разумным и милым. Глаза у него были чёрные, блестящие, укрытые в тени густых бровей. Коротко остриженные «под ежик» волосы покрывала натянутая по самые уши каракулевая шапка. На себе имел элегантную бекешу с меховым воротником и шерстяные рукавички. На мальчика специально одели его любимую одежду, чтобы как-то скрасить его переживания, связанные с отправкой в школу. Но из немой грусти матери и притворного хорошего настроения отца он сделал для себя твёрдое заключение, что в той школе, которую ему так долго нахваливали, обещанных наслаждений будет не так уж и много.

Знакомый вид родной деревни быстро исчез из поля его зрения; голые верхушки лип, стоящих перед имением, спрятались за кромку леса, увешанного кистями снега... Ближайшая гора начала поворачиваться, изменяясь, как бы искривляться и странно горбиться. Теперь перед его глазами попадались заросли кустарников, доселе ему не знакомых, изгороди из срубленных неотёсанных жердей, на которых висели странные, необычайно длинные ледяные сосульки, выныривали пустые пространства, покрытые льдом в синих, зимних и диких оттенках. Иногда лес подбегал к дороге и открывал перед изумлёнными глазами мальчика свои мрачные глубины.

– Смотри, Мартинек!.. заяц, заячья тропа... – то и дело кричал отец, слегка тормоза его ног.

– Где, папа?

– Да вот тут! Видишь? Два следа большие, два маленькие. Видишь?

– Вижу...

– Будем теперь искать лисью тропу. Подожди-ка... Мы её, обманщицу, выследим, а потом пальнём ей в лоб, снимем мех и скажем Зелику пошить прекрасный воротник для пана студента Мартинка Боровича. Подожди, мы её тут zaraz...

Мартинек всматривался в глухие лесные поляны и вместо развлечения встречал на тех тропах лишь холодный страх. С великим удовольствием побежал бы по следам зайцев и лисиц, нырял бы в снег и пробирался сквозь густые заросли, но теперь ото всей окружавшей его местности с её загадочными фиолетовыми тенями на него веяла мучительная и поразительная тайна: школа, школа, школа...

Последние остатки леса свернули в другую сторону, и казалось, что убегают с глаз долой напрямик через поля. Открылось плоское пространство, разрезаемое то тут, то там овражками, в которых таились дорожки, заметённые в настоящее время заносами в форме стожков или острых крыш. В одну из таких «мужицких» дорог и въехали сани семейства Боровичей и принялись прорываться сквозь снежные дюны. Когда Мартинек повернул голову и завертелся на месте, чтобы, невзирая на овладевшую им грусть, посмотреть на работу коней, заметил на краю поля полосы серых стен, покрытых белой соломой. Эти стены образовывали ровную линию и приковывали взгляд необычным на фоне снега цветом.

– Что это, мамочка? – спросил с глазами, полными слёз.

Пани Борович насильно улыбнулась и, стараясь быть внешне спокойной, ответила:

– Ничего, дорогой... Это Овчары.

– И уже в этих Овчарах... школа?

– Да, дорогой... Но ничего. Ты же у меня мальчик крепкий, разумный, мудрый! Ты же любишь свою мамочку. Нужно учиться, малыш, учиться...

– Да он только делает вид... – произнёс отец, также делая вид, что заходится от смеха. – А долго ли до Рождества? Время пронесётся как кнутом щёлкнет! Не успеешь оглянуться, как уже заезжает перед школой возок. «За кем приехал?» – спросят Ендрека. – «А за нашим паничем, за студентом» – ответит. А в доме ждут пироги, кулички, оладьи с миндалём. Говорю же тебе... потрясение!

В поле дул сильный ветер и нещадно хлестал в лица родителей мальчика. Сердце мальчика сжалось, что случилось впервые в его жизни, и он молча слушал массу разных вещей о школе, о необходимости учиться, о гимназии, о мундире, мазурках, зайцах, о ледовом сахаре, капюшонах, послушании, о каком-то старании и бесконечной цепочке иных воображений. Иногда переставал думать и смотрел уставшим взглядом на то, как ветер раздувает мех в определённом месте хорькового в форме пелерины воротника матери, совершенно как бы кто дул на то место приложенными вплотную губами; иногда снова всей мощью своей детской воли он подавлял охватывающий его ужас, потрясающий жилы подобно неожиданному выстрелу. Тем временем колокольчики на конях зазвенели громче, по обе стороны дороги показались стены сараев, затем изгороди, выбеленные хаты, и сани выскользнули на широкую наезженную сельскую улицу. Возница подогнал коней, и не прошло десяти минут, как остановил их возле здания, несколько большего, чем окружающие сельские хаты, хотя по строению ничем от них не отличающегося. На передней стороне той домины поблёскивали два шестистекольных окна, а над входной дверью чернела табличка с надписью: «Начальное Овчаровское Училище». Возле школьного здания скромно стоял небольшой хлев, а обок – немногим меньшая, чем хлев, куча коровьего навоза. Между дорогой и домом располагалось определённое пространство, по-видимому, овощной огородик, в котором стояло какое-то одинокое деревцо, отяжелённое в тот день множеством сосулков. Всё место окружал забор с повывломанными кольями.

Когда сани остановились на дороге, из сеней училища выбежал с непокрытой головой учитель пан Фердинанд Веховский и жена его пани Марцианна из Пилишов. Прежде чем они успели приблизиться к саням, Мартин смог задать маме ряд категоричных вопросов:

- Мамочка, это учитель?
- Да, дорогой.
- А это учительница?
- Да.
- А ты заметила, как у этого учителя сильно кадык двигается?
- Тише ты!...

Учитель был одет в изрядно поношенное рыжее пальто с сильно истрёпанными дырками для пуговиц, а сами пуговицы были разнообразного происхождения, на ногах грубые ботинки, на тонкой шее шерстяной шарфик в красно-зелёную полоску. Широкие желтоватые усы из давно минувшего прошлого, не подкрученные кверху, скрывали рот пана Веховского как два лоскутка ткани. Пальцами правой руки, измазанными чернилами, с грацией и кокетством убирал с лица спадающие пряди волос и раскапывал под собой снег, шаркая ногой в непрерывных поклонах. Его увядшее и застывшее лицо морщилось в челобитной улыбке, делавшей его похожим на маску.

Гораздо смелее приближалась к санкам пани учительница. Это была симпатичная женщина, хоть несколько крупновата и полновата. Глаза были прикрыты очками в роговой оправе. Эти большие очки тотчас же и не очень хорошо подействовали на Мартинка. Не знал, смотрит ли пани в данный момент на него и, что самое главное, видит ли его вообще. Путём странных сопоставлений образов быстро пришёл к выводу, что учительница похожа на огромную муху.

– Приветствовать, приветствовать! – причитала, шепелявя, пани Веховская, и начала высаживать из санок маму Мартинка.

– Как же здоровье? – вопрошал с напором учитель, неведомо почему не переставая однообразно улыбаться.

– Приветствовать кавалера! – всё смелее и громче звучала учительница, теперь уже обращаясь специально к Мартинку. – Что, были нюни? Наверно, были, а как же!

– Что ещё за нюни, мама? – спросил сквозь зубы кавалер.

– Как же здоровье? – выпалил снова учитель, сильно потирая руки.

– А вот и мы! – воскликнул с облегчением пан Борович. – Нюни? Не без этого, конечно, но, слава Богу, немного, немного.

– Надеюсь, проше пана добродей¹, – произнесла учительница высоким дидактическим тоном – надеюсь, что... Мартинек должен понимать – говорила со всё возрастающим чувством, широко раздувая ноздри, – что родители и всё его семейство ожидают от него многого, очень и очень многого! Должен понимать, что ему надлежит не только стать утехой родителям в их седой старости, опорой в их зрелых годах, но также и гордостью...

Слово «гордостью» произнесла с особенным помазанием.

– Ну, естественно! – заключил учитель, обращаясь к пану Боровичу с таким выражением на лице, будто предлагал: «А может, по рюмашечке водочки?»

– Кем бы Мартинек не стал, – говорила учительница уже гораздо спокойнее, бредя по снегу к сеням, а оттуда провожая гостей до помещений – обывателем ли земским, священником, секретарём гмины² или офицером, всегда прежде всего должен помнить о том, что является гордостью и честью своей семьи. Не знаю, как на это смотрят мои паньство добродей, но то, что я сейчас говорю, является моим святым убеждением...

– Ну вот, опять эта «гордость» – устало думал кандидат на слишком высокую для своей простой семьи должность. Но поскольку за миг до того слышал достаточно ясно, что может

---

¹ «Преше пана/пани» – вежливая форма обращения к собеседнику, присущая польскому языку, некоторый аналог русского «милостивый государь»

² Гмина (gmina) – наименьшая административная единица Польши (на протяжении 19 в. имела тенденцию к укрупнению (начиная от отдельных помещичьих владений в 10—20 дворов до 300—500 дворов к концу 19 века).

стать офицером, и видел наполненные любовью и слезами глаза матери, его на время отпустило то напряжённое внимание, с коим он вслушивался в слова учительницы, и он углубился в размышления о блестящих офицерских знаках отличия и звенящих шпорах, которые теперь, хоть под присягой, прочно были связаны в его сознании с этой незнакомой «гордостью».

Комнатушка, в которую привели прибывших, была неслыханно малых размеров и вся заставлена различной рухлядью. Один из углов занимала большая кровать, в другом стояла колоссальных размеров печь, в третьем снова кровать; в центре комнаты располагался диванчик и круглый ясеневый столик, весь изрезанный, вероятно, перочинными ножиками и исцарапанный каким-то тупым зубатым инструментом. На стенах там и тут висели литографии с изображением святых. Возле двери, ведущей до классных помещений, висел на верёвке большой календарь в зелёной обложке, а на нём – «дисциплина», пятихвостый ременной кнут для наказаний с напоминающей ножку серны рукоятью. Именно в этот момент, когда у Мартинка троилось в голове от гордости в виде уланских эполет, его взор пал на сие ужасное орудие...

– Ну, и что же там, а? – спросил учитель, вытягивая худую и костистую руку в направлении волос Мартинка с жестом, который обычно использовал фельдшер Лейбус, приступая к стрижке «под волос». Одновременно двойная дрожь объяла мальчика: при виде «дисциплины» и этой ужасной худой лапы. Тихо вздохнул в глубине груди так, что его акта никто не заметил, даже мама, и спокойно отдал свою голову какой-то странной ласке учителя, напоминающей растирание свеженабитой шишки. Страшное противоречие, до которого он пришёл усилием воли, собралось в его тихих мыслях:

«Мама оставит тут меня одного... он сначала будет меня брать за голову... вот так... а потом...»

Затем со смелостью, стоящей ему небывалого страдания, он посмотрел на «дисциплину» и даже поднял взгляд на пана Веховского.

Меж тем в комнату вошла девочка лет десяти, с худыми ножками, обутыми в большие сапоги, и присела в реверансе. Была одета в грубую куртку, её волосы были заплетены сзади головы в тонкую косичку, называемую в тех краях «мышинный хвостик».

– Это Юзя... – сказала пани Веховская. – Учится и воспитывается у нас. Племянница ксендза Пернацкого.

Слово «племянница» было произнесено учительницей тоном, исключаящим среди присутствующих даже намёки на хоть какое-либо сомнение.

– А... – с неохотой пробормотала пани Борович.

– Поприветствуйте друг друга, мои дети! – воскликнула учительница эмоционально. – Будете вместе учиться, поэтому должны жить дружно и работать с огоньком!

Юзя взглянула было на Мартинка искрящимися глазами, но потом ушла в полное отупение.

– Мартинек! – шепнул на ушко мальчику пан Борович. – Поздоровайся же... Разве так начинают вести себя в школе! стыдно... Ну же!

Мальчик покраснел, опустил глаза, а потом быстро вышел на середину комнаты, расставил широко ноги, затем с шумом сдвинул их вместе и забавно поклонился перед своей новой коллежанкой. Юзя потерялась окончательно. Широко вытаращенными глазёнками она смотрела на свою госпожу и одновременно двигалась боком прочь из комнаты. И была уже близко от дверей, когда те отворились. В них показался кипящий самоварчик на кривых рахитных, невероятно выгнутых ножках.

Его несла перед собой крупная и некрасивая девушка, одетая в чёрную от грязи холщовую рубашку, потрёпанный и засаленный кафтанчик, шерстяной фартук и платок на месяцами не расчёсываемых волосах.

Самоварчик при важной помощи учителя поставили на углу стола, и начали засыпать и заваривать чай в способ торжественный и высоко церемониальный.

Родители Мартинка предположили, что это был, похоже, первый чай за последнее школьное полугодие.

Сумрак понемногу наполнял комнату. Пан Борович придвинул свой стул к краю дивана, полностью занятого паней Веховской, и вполголоса принялся обсуждать с ней окончательный договор поставки продуктов, которую обязался совершить взамен за свет знаний, который должен был наполнить в этом доме его сына.

Мартинек стоял возле матери и слушал, как говорил его отец:

– Каши, знаете ли, пани, не могу, так как мой мельник того не сделает, хотя... Знаете ли, я скажу намелить для пани тончайшей пшеничной муки, будет из чего наделать макарон, лапши, да и пирожных напечь, чтобы парнишка раздался как следует. Гороха... сколько бы пани хотела?..

Эти слова проникали до глубины сознания мальчика и причиняли ему настоящую боль. Теперь он понимал, что точно остаётся в школе. В звучании голоса отца, в деталях переговоров с учительницей почуял коммерческий тон и неотвратимую необходимость подчинения своей судьбе.

Моментами эта боль усиливалась в его маленьком теле и превращалась то в желание дикого отпора, верещания, топанья ногами, дёрганья за платье мамы, то снова возвращалась в глухое и слабое отчаянье.

Пани Борович тоже принимала непосредственное участие в составлении этого неписаного контракта, даже записывала в маленькую книжечку конкретные количества продуктов и, хоть сидя с опущенными глазами, не глядела в сторону сына, постоянно чувствовала на себе его взгляд. Её сердце мучила такая же чередая тяжёлых размышлений. Кто знает, уж не абсолютно такая же? Кто знает, те мучения, посетившие мальчика, не дёргали ли за душу и мать точно также и в тот же самый момент...

– Ну пани и ненасытная! – говорил пан Борович полувсерьёз до учительницы, когда та дополнительно упоминала то рыбу, то говядину, то, наконец, лён, холщовое полотно и прочее.

– И-и – отвечала с ядовитой улыбкой пани Веховская – ненасытной я, проше пана добродеея, уж точно не являюсь. Разве не так, что сложив одно с другим, получите сущую мелочь по сравнению с тем, что паньство мои добродееи заплатили бы репетитору у себя в деревне? Такой репетитор нынче, проше пана, едва за тридцать рублей в месяц согласится к вам поехать, а захочет при этом иметь отдельную комнату, всякие удобства, всякие приятности, прислугу... молодую, коня верхом, поразвлекаться время от времени, захочет в свет и наконец... да что там говорить...

– Дорогая пани, знаешь, – ответил шляхтич жестко – потому я до вас ребёнка и отдаю, что мне репетитора не потянуть. Очевидно, не потянуть. И хоть даже если бы в лепёшку разбился и нашёл эти какие-то триста рублей, то нет у меня в доме угла, где бы такого жильца мог поселить. Дорогая пани, может знаешь, может и не знаешь, а только у нас не каждый день мясо на обед, а с чужим человеком в доме пришлось бы ставить...

– Что тут говорить, моя дорогая пани, – сказала пани Борович – всё-таки пан Веховский приготовит Мартинка до первого класса не хуже, а наверняка намного лучше, чем самый наилучший репетитор, а у пани ему будет так же хорошо, как у матери. Он сам знает, что нужно учиться, что нужно зубами и ногтями!.. Мамочка любит, мамочка очень любит, но нам трудно, нам очень трудно. Но он, впрочем, знает, он покажет, какой из него выйдет хлопец, и разве это верно, что про него говорил пан Ментович, мол, только бляеть умеет. Он покажет!

В действительности мало-помалу беспокойство в Мартинке утихло и всё его отчаяние как будто повисло на каком-то крюке. Он смотрел мужественно в глаза матери и, заметив в их уголках две застывшие слезы, дерзко улыбнулся.

– Видишь, пани, видишь пани, вот мой сын, мой любимый сын! – говорила теперь пани Борович, выпуская наружу слёзы, до того удерживаемые под веками силой воли.

Отец притянул его к себе, глядя по голове, не в силах сказать ни слова. Тем временем наступила ночь. В комнату внесли лампу, и учительница начала наливать чай. Около семи вечера пан Борович встал из-за стола. Его левая щека быстро дёргалась, а на губах проступала грустная улыбка.

– Ну, Хеленка, нам пора... – сказал жене.

– О, неужто опять? – прошепелявила учительница – неужели опять? Ведь до Гавронок в четверть часа на санках можно проскользнуть...

– Всё так, пани, только сейчас луны на небе нет, заносы большие, да возница дороги не знает, к тому же и вам пора...

Пани Борович уложила свёрток с бельём Мартинка на край кровати, на которой тот будет спать, незаметно проверила рукой, хорошо ли набит сенный матрас, затем быстро поцеловала сына, попрощалась с Веховскими и, всунув в руку грязной Малгоши два двугривенных, вышла во двор и села в сани. Также поспешно вышел за ней и муж. Учительница держала молодого Боровича за руку, когда кони тронулись с места, а пан Веховский хлопал его по плечу. Служащая держала высоко кухонную лампу. Когда зазвучали колокольчики, поднесла лампу повыше, и белый круг света лёг на окружающий снег. Собственно тогда Мартинек заметил, как тыл санок с очертанием родительских голов добрался до границы света и скрылся в темноте. Мальчик вдруг отчаянно вскрикнул, дёрнулся, вырвался из рук учительницы и стремглав побежал за санями. Угодил в канаву, идущую вдоль дороги, одним прыжком выбрался из сугроба и побежал дальше. Отбежав от лампы, уже ничего не видел в темноте. Споткнулся раз, другой на каких-то ухабах, упал на снег, крича изо всех сил:

– Мапочка, мапочка!

Учитель с учительницей схватили его под руки и силой проводили в школу. Колокольчики звенели где-то далеко и всё тише, будто из-под снежных дюн.

– Никогда не ожидала ничего подобного! Никогда! Чтобы такой большой мальчик хотел убежать до Гавронок!.. Фу, противно! – пыхтела учительница.

Мартинек замолк, но не от стыда. Его душило болезненное изумление: куда не кинет взгляд, нигде мамы не было. В мозг его, словно заноза, впиалась мысль: нет её, нет её, нет её... Со стиснутыми зубами вошёл в комнату, уселся на указанный учительницей стульчик и, выслушивая её длинные указания, постоянно думал о матери. Эти мысли были чередой образов её лица, которые мелькали у него перед глазами и исчезали. Их исчезание было завязью, первым сигналом тоски.

Грязная Малгося застилала тем временем кровати и выставляла вместе с учителем ширму перед диваном, предназначенным для Юзи. Всё это длилось довольно долго, да и по-другому не могло быть, так как служащая, в минуты перерывов, когда учительница выходила на кухню, бросала работу и прыскала со смеху.

Наконец все кровати были постелены, и Мартину сказали раздеваться. Он быстро лёг, накрылся одеялом и тут же начал обдумывать план побега.

Хитро выбрал подходящее время на раннее утро, воспроизводил в своей голове дорогу до Гавронок, силился вспомнить очертания лесных уголков и пустошей, которые проезжали накануне, и убегал через них в своих мечтах. В его сердце, утомлённом нашествием бурь, выростала сонная жалость и вылилась в тихий плач. Слёзы большими каплями стекали на подушку и разливались широкими пятнами... Уснул заплаканный, в изнеможении и без чувств.

Посреди ночи вдруг проснулся. Тут же сел на кровати и огляделся вокруг широко открытыми глазами. Кто-то храпел как машина для перемалывания щебня.

Малый ночник, стоявший в углу комнаты, освещал одну стену и часть потолка. Мартинек заметил чьё-то огромное толстое колено, торчащее из-под перины, чуть дальше большой нос

и усы, которые равномерно двигались вследствие храпа, ещё дальше полукруглая корзинка, вышитая бисером, блестящим в полумраке словно обнажённые клыки.

Чувство одиночества, граничащее с отчаянием, схватило молодого шляхтича стальными когтями. Его взгляд беспокойно перелетал с предмета на предмет, с места на место, в поисках чего-либо знакомого и близкого. Успокоился наконец на том месте дивана, где сидели родители, но и там сейчас спал кто-то чужой. С углов комнаты, затянутых мраком, высовывался многоглазый страх, а стоящий в полутьме хлам, казалось, враждебно угрожал. Мальчик долго сидел на постели, бессильно глядя перед собой, не будучи в состоянии наивысшего страдания отгадать, зачем с ним так поступили, что всё это значит и для какого блага он так нещадно мучим.

Утром, после бессонной ночи, проснулся довольно поздно. В комнате никого не было. Учительская кровать была застлана, диван убран. За дверью, рядом с которой висел календарь и «дисциплина», раздавался практически беспрестанный кашель и приглушённый звук разговора, время от времени разбавляемый фамильярным смехом или шумным плачем.

Мартинек, до крайней степени заинтересованный, вскочил с кровати, не мешкая оделся и приложил ухо к таинственной двери, которая, как вчера ему казалось, вела в пустой чулан, а сегодня была занавесом перед интересным представлением.

– А что, кавалеру не терпится увидеть школу? – крикнула учительница, выныривая из кухни. – А кавалер умылся, расчесался, оделся подобающе? Сначала надо одеться и только потом думать о посещении школы.

Мартинек с трудом оделся, так как до того мама всегда помогала ему мыться и одеваться, быстро выпил кружку горячего молока и стал ожидать. По окончании завтрака учительница взяла его за руку, и как была, в белом кафтанчике, завела в класс. Когда дверь открылась, в голове Мартинка проскользнула мысль: это костёл, а никакая не школа...

Класс был полон. На всех лавках сидели мальчики и девочки. Кучка пришедших последними, не найдя места, расположилась у окна. Мальчики сидели в сермягах, в коротких отцовских кафтанах, даже в маминых жакетах, шеи некоторых были обмотаны шарфами, а на руках шерстяные рукавицы; девочки одеты в фартуки и платочки, как будто находились не в душном классе, а в широком поле. Все кашляли, а значительное большинство детей перед появлением учительницы упражнялось в передаче друг другу сыра; причём сами дети навряд ли бы назвали свою забаву таким техническим термином.

– Михцик, тут панич с Гавронек, покажи ему школу, он интересуется – сказала учительница, обращаясь к сидящему рядом с дверью за первой партой мальчику.

Был то переросток лет больше двенадцати, блондин с серыми глазами. Послушно подвинулся и освободил место для Мартинка, который присел на краешке, в стыде и замешательстве. Пани Веховская вышла, громко и убедительно призвав всех к тишине и порядку.

– Как тебя зовут? – любезно спросил Михцик.

– Мартин Борович.

– А меня Пётр Михцик. Умеешь читать?

– Умею.

– И наверняка по-польски?

Мартин посмотрел на него с удивлением.

– *Па руски* умеешь читать?

Мартин покраснел, опустил глаза и тихо прошептал:

– Я не понимаю...

Михцик усмехнулся триумфально и вытащил из деревянной папки, снабжённой верёвкой для ношения на плече, русскую хрестоматию Паулсона, открыл книгу на засаленном месте и начал быстро читать, потряхивая головой и расширяя ноздри:

– «В шапке золота литого старый русский великан поджидал к себе другого...»

Внимание молодого Боровича было всецело поглощено разговором с Михциком. Тем временем понемногу ученики повылезали со своих парт и приближались шаг за шагом, тыкая друг друга и выглядывая из-за спин. Совсем скоро вокруг Михцика и Боровича образовалась плотная куча детей. Казалось, у детей от любопытства повылазили глаза. Стояли неподвижно в тишине, не мигая глядя на Мартинка, являя собой немую сцену припадка любопытства.

Тем временем Михцик читал всё тот же самый стих быстрее и быстрее. Закончив, ещё раз триумфально посмотрел на Боровича и сказал:

– Вот как надо читать! Понял что-нибудь?

– Совсем ничего... – ответил новенький, краснея по уши.

– Э, научись и ты – сказал тот покровительно. – Я думал, что стихи это трудно, а теперь вот на память умею, и считать по-русски могу, и диктанты. Грамматика трудная... ух! Справедливо! Имя существительное, имя прилагательное, местоимение... Ах, всё равно не понимаешь, если бы даже объяснил...

Вдруг поднял голову и, смотря на потолок, сказал не понятно кому громко, с чувством и даже вдохновением:

– «Подлежащее есть тот предмет, о котором говорится в предложении!»

Потом снова обратился к Мартину:

– Видишь, уже и Пёнтек умеет читать, правда отвратно! Читай, Вицек!

Рядом с Михциком сидел мальчик с сильно поражённым оспой лицом. Тот открыл ту самую книжку тоже в засаленном месте и начал мучить по буквам какой-то отрывок. И так всецело погрузился в данное занятие, что даже бы выстрелы из пушки не смогли бы оторвать его от работы.

Вдруг вся толпа с шумом и толчками разбежалась. Дверь, ведущая от сеней, широко отворилась и вошёл учитель. Лицо его едва напоминала вчерашнее. Теперь это была строгая маска, а более того – смертельно скучная. Бросил взгляд на Мартинка и кисло ему улыбнулся, встал за кафедру и подал знак Михцику. Тот встал и начал громко, с декламацией читать молитву:

– «Преблагий Господи, ниспошли нам благодать...»

В момент начала молитвы все дети как по команде вскочили на ноги, а по окончании уселись на лавках. По классу распространилась духота, и даже буквально смрад, тяжёлый и невыносимый.

Веховский понуро оглядел испуганное сборище, потом открыл журнал и начал читать список. Когда называл по-русски чьё-либо имя и фамилию, в классе наступала мёртвая тишина. И только спустя какое-то время раздавались шёпот, подсказки, возникали толчки и пинки ногами конкретного индивида, и в конце концов с какого-либо места поднималась детская рука и раздавался чей-то голос:

– Ест!

– Не «ест», а только «есть» – громко поправлял учитель. Сам несколько раз проговаривал это слова для примера, смягчая последнюю согласную. Это имело такой эффект, что когда дальше читал фамилии, хлопцы вставали и, поднимая руки, проговаривали с удовлетворением и абсолютно на свой манер:

– «Ешьть!»³

Мартинек во всём происходящем не понимал ровным счётом ничего, ни требований профессора, ни смысла церемонии, и совсем – всеобщего объявления о желании принимать пищу.

Когда были зачитаны все фамилии, пан Веховский снова кивнул Михцику, а сам уселся на стуле, засунул руки в рукава, ногу заложил на ногу и стал смотреть в окно с такой определенностью, что именно это составляло часть его служебных обязанностей.

---

³ «Ешьть!» – по-польски «Jeść!» – означает требование «Есть!» (в значении «кушать!»)

Михцик громко читал, а, точнее, скорее выкрикивал из Паулсона текст длинной русской народной сказки о мужике, волке и лисе.

Учитель время от времени поправлял ударения в выражениях.

Тем временем в классе нарастал общий говор. Были слышны звуки: а, бэ, цэ, дэ, е... либо: а, бэ, вэ, жэ, зэ...

Дети, знавшие алфавит, «показывали» его вновь прибывшим: некоторые учили читать слова по буквам, но основное большинство, делая вид, что заглядывают в буквари, что-то бурчали себе под нос и постыдно скучали.

Когда Михцик открывал всю сказку, то сложил книжку, передал её коллеге Пёнтку, а сам вышел на середину к доске. Веховский продиктовал ему арифметическое задание на умножение.

Михцик написал на доске два больших числа, подчеркнул их ужасно толстой чертой, перед множимым поставил такой большой знак умножения, что на нём можно было повесить пальто, и начал шептать тихо про себя, но, впрочем, так, что Мартинку было хорошо слышно:

– Пять раз по шесть... тридцать. Пишу ноль, а три у меня в уме.

Весь этот акт умножения Михцик выполнял с огромным трудом. Лицо его изменилось, мышцы тела, рук и ног выполняли бессельную работу с напряжением, будто ученик двигал балки, рубил дрова или пахал. Скоро, однако, смог как-то осилить «пять раз по шесть» – и написал ноль – тут же вполголоса, но так, чтобы учитель слышал, объяснял весь ход вычисления:

– Пятью шесть – тридцать...

Учитель же не обращал внимания ни на Михцика, ни на Пёнтка, начавшего показывать своё искусство, но со смертельным равнодушием продолжительно смотрел в окно.

Мартинек, повторно слушая чтение Пёнтка, вспоминал еврея Зелика, сельского портного, который часто целыми месяцами сидел в Гавронках за работой. Стоял у него перед глазами как живой – сгорбленный, полуслепой, смешной еврейше с вечно заплёванной бородой, сидит и зашивает старый бараний кожух. Связанные шпагатом очки висят на кончике носа, игла попадает не в кожу кожуха, а в палец, потом в пустое пространство, потом где-то вязнет...

Мартинка тянет рассмеяться от всей души от неуклюжести и медленной работы Зелика, но чувствует в своих глазах слёзы жалости и необъяснимой любви даже к тому еврейку с Гавронек... Чтение Пёнтка оказало на него, неизвестно почему, точно такое же странное воздействие.

Пёнтек попадает в звуки, хватает их, вяжет и спаивает вместе будто ударом кулака, прёт всем корпусом на грудь... Слышны странные слова... Мальчик кричит:

– «Пе... пет... пегу... петух...»

Мартинек опустил голову, закрыл ладошкой рот и, давась от смеха, прошептал:

– Что за петух? Петух!..

Учитель просыпается как бы ото сна, несколько раз со злостью повторяет то же самое слово на скрытую потеху всего класса и снова впадает в задумчивость. Наконец Пёнтек закончил задание, тяжело опустился на лавку и принялся вытирать вспотевший лоб.

Веховский открыл журнал и вычитал фамилию:

– Варфоломей Каптюх.

На середину класса вышел мальчик в убогой сермяжине и, видимо, отцовских ботинках, в которых перемещался так изящно, словно его ноги были обуты в две лейки. Маленький Бартек Каптюх, претендовавший в школе на какого-то Варфоломея, разложил свой букварь на краю учительского столика, взял в грязную руку деревянную указку, прочитал целиком а, бэ, вэ, жэ, зэ..., хлопнул несколько раз носом и пошёл на место с таким облегчением, словно бы не чувствовал на ногах тяжесть своих огромных ботинок. Затем был вызван какой-то Викентий, выложил учителю свои способности и скрылся в толпе.

Урок длился так долго, что Мартинек едва не задремал. Водил сонными глазами по стенам, с которых тут и там пятнами отлетела известь, рассматривал висящие возле двери изображения носорогов и страусов, наконец, три широкие полосы грязи, ведущие от двери до первой лавки... Ему было душно в ужасном воздухе класса и сильно нудило заикание учеников, выдающих учителю русский алфавит. Однако несмотря на овладевшие им невнимательность и рассеянность, от него не скрылось то, что и учителю было порядком скучно. К счастью, в соседнем учительском помещении пробило одиннадцать часов. Профессор прервал экзамен, сошёл с кафедры и сказал по-польски:

– А сейчас споём одну красивую русскую песню, набожную. Будете петь за мной и точно так же, как я. Девочки тоненько, мальчики пониже. Ну... и слушай одно с другим – ухом, не брюхом!

Закрыв глаза, открыл рот и, отбивая пальцем такт, начал петь:

– Коль славен наш Господь в Сионе...

Вместе с учителем пел Михчик, что-то рычал Пёнтек, и силились повторить мелодию несколько детей, по видимости, самых музыкальных. Остальные пели тоже. Но, поскольку мелодия оказалась серьёзной, а в той местности люд поёт только нотами с живыми выкрутасами, то дети сразу впали на единый мотив пения, к какому привыкло ухо в костёле, и начали кричать несформировавшимися голосами:

Swiety Boze, swiety mocny,

Swiety a nesmiertelny...

Несколько раз пан Веховский вынужден был прерывать пение и начинать сначала, как только мелодия «Swiety Boze» начинала брать верх над «Коль славен...» И наверняка речь шла не об обучении детей пению, а о том, чтобы вбить, втесать в уши церковную песню. Учитель был вынужден победить хлопскую мелодию, повести за собой целое собрание детей и «вкричать» нужный мотив в их память. Потому пел всё громче. Мартинек смотрел на это зрелище с крайним удивлением. Кадык учителя усиленно работал, лицо его с сильно красного стало аж бурым. Жилы на лице набухли как верёвки, прядь волос спадала на глаза. С закрытыми глазами, широко открывая рот, размахивая кулаком, как будто бил по загривку невидимого противника, учитель действительно перекричал целый хор детских голосов и, что было духу, в крик, пел песнь:

– Коль славен наш Господь в Сионе...

Глава 2

В течение двухмесячного пребывания в школе Мартинек «достиг в обучении значительного продвижения».

Так в письме сообщала учительница родителям мальчика.

В сущности, Мартинек уже умел читать (естественно, по-русски), писать диктант, решать задачи на четыре действия и даже начал упражняться в обоих разборах: этимологическом и синтаксическом.

Пан Веховский на эти разборы обращал особое внимание. Ежедневно в два часа дня начинал с Мартинкем занятия. Мальчик читал какой-нибудь отрывок, затем пересказывал суть прочитанного, но так смешно и такими забавными варварскими выражениями, что самого учителя эта наука порядочно веселила.

После чтения шли как раз эти самые разборы, которые, если и можно было с чем-либо сравнить, то, пожалуй, со струганием мокрой осины тупым перочинным ножиком.

Определённую трудность представляла для маленького Боровича арифметика. Мальчуган понимал в целом хорошо, хоть и не на лету, но одновременное ведение арифметического счёта и вторжение в тайны русского языка – было грузом непомерным для его малых сил.

В тот момент, когда начинал понимать какую-либо вещь, когда его приятно удивляла и радовала правильность полученного результата, всё портили названия. Вместо занятия разума мальчика логичным ходом арифметических вычислений, вместо открытия ему самой сути арифметики, на которую и должно быть направлено обучение, пан Веховский был вынужден тратить все свои силы, чтобы не в разум, но в память ученика вколотить названия разных предметов. Начальное формирование интеллекта, та красивая борьба, то краткое представление, то воистину возвышенное действие: обучение ребёнка, овладение незнакомыми понятиями разумом, делающим это впервые в жизни – стали в Овчарах делом гигантским, настоящей битвой, и, что наихудшее, бесцельным навязанным мучением.

Когда, бывало, малый Борович случайно терял нить рассуждения, тотчас машинально повторял за педагогом и названия, и сочетания, и формулы. Подгоняемый вопросами: понял ли, запомнил ли, хорошо ли теперь знает, – отвечал утвердительно, а на вопросы по существу отвечал наугад.

Случались дни, когда уроки арифметики были для него абсолютно непонятными, от А до Я. Тогда им овладевал страх, идущий от полусознательного предчувствия, что обманывает, что учится без должной охоты, что намеренно подводит родителей, что их не любит вовсе... Тогда на его лбу проступал холодный пот, а мозг облепляла как бы корка засохшего ила.

Учитель, бывало, уже уходил далеко, говорил о чём-то другом, спрашивал иное, а Мартинек, переступая с ноги на ногу, стиснув колени, усилием воли двигал невидимое бревно, которое свалилось подобно горе на пути его размышления. Его мозг был не в состоянии выполнять два дела одновременно, поэтому арифметическое мышление вынуждено было отступить на второй план, уступая место поиску ответов на постоянные вопросы о значении выражений. Отдельным искусством были русские диктанты. Пан Веховский ежедневно повторял Мартинку, что ученик, совершающий на странице диктанта три ошибки, не будет принят во вступительный класс гимназии. Кандидат на поступление в данный класс в душе присягал себе, что не допустит трёх ошибок на странице диктанта. Старался даже не делать ни одной – однако с малым результатом. Голова его лопалась от тупых раздумий, писать в данном случае «ять» или «е», память работала тяжело и бессмысленно, а поскольку педагог не мог доступно отметить правила писания без предварительного обучения грамматике, то бедный Мартинек умудрялся разместить на одной странице по тридцать, сорок и даже больше катастрофических оши-

бок. Учил российскую грамматику и стихи на память. Зубрёжка стихов происходила всегда до полудня.

Существенно больших успехов Мартинек достиг в катехизисе ксендза Путятыцкого и в каллиграфии. Можно было его разбудить среди ночи и спросить: «Чему мы можем научиться из того, что Господь Бог есть добрым и справедливым судьёй?» – ответил бы на одном дыхании, без задумчивости и запинки: «Из того, что Господь Бог есть справедливым судьёй, мы для себя делаем вывод, что...» и так далее.

Каллиграфией занимался сам по собственному разумению. Она ему заменила так любимые им физические упражнения, прогулки, бегания по далёким местам. Учитель неоднократно заставлял его выводящим огромные костлявые каракули-буквы то мелом на доске, то пером в старых тетрадах. Как первый, так и второй способ упражнения в такой благородной и необходимой способности принуждали Мартинка к высовыванию языка и шмыганию носом. Со временем царапанье в старых тетрадах ему было запрещено на том основании, что при сим занятии обе его две руки, манжеты куртки и рубашки, а зачастую и кончик носа оказывались пропитаны чернилами и приводили к повышенному расходу учительского мыла, что в договоре с родителями Мартинка никак не было предусмотрено. Ему также не позволялось играть с сельскими ребятами из заботы о так называемом добром воспитании. Сидел тогда постоянно в комнате четы Веховских и образовывал свой разум. Сам «пан» либо учил в школьном классе, либо отсутствовал в доме, а его жена кричала в кухне на служащую, а маленькая Юзя обычно упражнялась в лепке пельменей, называемых «палушками», и даже в чистке картофеля. Мартинек сидел на диване у окна и бормотал. Однако, когда грамматика до предела ему наскучивала, бормотал машинально и лицемерно, уставившись на мир сквозь оконное стекло.

Окна выходили на поля. Те поля были ровны как стол, и в данной местности уже закончились холмы и леса. До самого горизонта тяжёлым слоем лежал глубокий снег. На этой равнине не было видать ни одной деревни, ни даже отдельного домика. На отдалении примерно трёх вёрст чернел ряд голых деревьев и серели какие-то заросли. Там находился довольно обширный покрытый камышом пруд, но и он в эту пору ничем не выделялся от окружавшей снежной равнины. В часы оттепели из-под снега показывались хребты загонов. И эта перемена была единственным разнообразием и развлечением в жизни Мартинка. Оттепели случались нечасто, а после них наступали дымка и морозы. Пространство снова тяжелело и мертвело. Для живого мальчика было что-то бездонно грустное в этом чуждом пейзаже. Вид монотонной плоскости удивительно соображался со скукой, царящей между страницами русской грамматики. Он не мог охватить и принять в себя ни этого пейзажа, ни таинств грамматики. Если бы его спросили, что это, как называется это спокойное, скучное пространство, то без колебания бы ответил, что это – имя существительное.

В течение двух месяцев ни один из родителей не навестил Мартинка. Решено было его закалить, соблюсти строгость и не расхолаживать своими визитами. Один раз пани Веховская вывела Мартинка и Юзю на прогулку. Пошли за село по проторенной в глубоком снегу дороге аж на гору, покрытую старым лесом. На краю того леса отдельно торчали большие, заметные ещё издали, ели. День был замечательный и морозный; в чистом воздухе было видно далеко вокруг. Остановившись перевести дух возле этих одиноких елей, Мартинек посмотрел в южную сторону и увидел вдали гору, у подножия которой стояли Гавронки, где он родился и вырос. На ней тёмно-синим цветом по белому снежному фону выделялись плотные заросли можжевельника. Выдающийся горб на вершине горы чётко торчал на начинающем розовесть на западе небе. Внезапно мальчик заплакал, громко и сердечно.

Долгий, грубый, полный непонятных выражений монолог учительницы увенчал эту единственную прогулку Мартинка.

В первых числах марта пан Веховский, вернувшись из соседнего городка, принёс новость, потрясшую стены школьного здания. Вошёл в комнату, весь с замёрзшими усами и, не стяхнув даже снега с ботинок, произнёс:

– На этой неделе приедет директор!

Голос его при этом был таким особенным и пугающим, что все присутствующие задрожали, не исключая Мартина, Юзи и Малгоси, которые не могли даже понять, что значит это выражение.

Пани Веховская побледнела и заёрзала на стуле. Её большие толстые щёки вздрогнули, а руки беспомощно упали на стол.

– Кто тебе это сказал? – спросила сдавленным голосом.

– Пальшевский, кто ж ещё? – ответил учитель, снимая с шеи шарфик.

С этого момента домом овладела тревога и молчание. Малгося, непонятно от чего, ходила по дому на цыпочках, Юзя по целым дням плакала в рёв по углам, а Мартинек ожидал со страхом и не без определённого любопытства каких-либо сверхъестественных явлений.

Профессор практически целыми днями держал сельских детей в школе и учил способом, называемым «наскоро», отвечать на приветствие: – «Здорово, ребята!» – хоральным пением «Коль славен...», а Пёнтка и Войчика – искусству перечисления членов властвующей ныне царской семьи. Усвоению данных умений сопутствовало двойное наяривание «дисциплиной».

Мартинек, свернувшись клубком у своего окна, ежеминутно слышал визгливый плач, напрасные мольбы и тут же потом стереотипное и неизбежное:

– Ой, не буду, не буду! До конца жизни не буду! Ох, пан, не буду, не буду!..

Вечерами, не раз допоздна, пан Веховский приготавливал школьные журналы и списки, проставлял оценки ученикам и в способ несказанно каллиграфичный писал так называемые «ведомости». Его глаза покраснели, усы ещё больше обвисли, щёки впали, а кадык был в непрерывном движении из-за глотания слюны. По селу разнёсся упорный слух: приедет начальник! На его фоне вырастали удивительные домыслы, практически фольклор.

Все эти басни приносила обратно в школьное здание Малгося и шептала на ухо Боровичу и Юзе, будя в них всё более ужасную тревогу.

В самой школе наводился радикальный порядок: с пола лопатой соскребли засохшую грязь, вымыли его тщательно щётками, везде убрали пыль, отряхнули и вытерли ненужные надписи на изображениях жирафов, слонов, карте России и маленьком глобусике, стоящем на карнизе шкафа и олицетворяющем способности далёкие, высокие и недоступные.

Из сеней переехала в хлев бочка с капустой, равно как и оградка вместе с находившимся в ней телёнком. Куча навоза надёжно укрыта лапником ели.

Сам педагог принёс из городка десять бутылок наилучшего варшавского пива и одну отечественного портвейна, коробку сардин и целую груду булок.

Пани Веховская запекла зайца и говяжью печень, необычайно нежную, данные деликатесы должны были быть поданы директору в холодном виде, разумеется, с баночками конфитюров, маринованных рыжиков, корнишонов и так далее. Весь этот приём жена учителя готовила не менее тщательно, чем он приспособливал школу. Могло показаться, что таинственный директор приезжает только для того, чтобы с одинаковой строгостью проинспектировать вкус заячьего седла и успехов сельских ребятишек в чтении по буквам.

Накануне фатального дня учительские помещение и кухня, а также школьный класс были образцом переполоха. Все бегали с широко раскрытыми глазами и выполняли обычные обязанности в невообразимом нервном напряжении. Ночью практически никто не спал, а с рассветом в целом доме снова приключился приступ бегания, шептания с пересохшим горлом и вытаращенными глазами. Ожидался посланец от Пальшевского, учителя школы в Дембицах (селе, лежащем на отдалении трёх миль), у которого визит директора должен был состояться перед посещением Овчар. Прежде чем директор проехал бы три мили по дороге, шустрый бегун

мог бы прямо через поля на какое-то время быть в школе Веховского раньше. Уже с раннего утра учитель постоянно выглядывал в окно, возле которого обычно учился Мартинек. Жилая комната была прибрана, кровати застелены белыми покрывалами. В углу за одной из них стояли бутылки с пивом, в шкафу – выпечка и закуски. Когда дети начали стягиваться к школе, учитель был вынужден оставить свой наблюдательный пункт и поручил Мартинку сесть на его место и не спускать глаз с равнины. Маленький Борович сознательно приступил к выполнению данного поручения. Он прижал своё лицо вплотную к стеклу, время от времени вытирая проступавшее от дыхания запотевание, и аж до слёз напрягал глаза. Около девяти утра на горизонте показалась движущаяся точка. Наблюдатель долгое время следил за ним с учащённым биением сердца. Наконец, когда уже мог разглядеть хлопа в жёлтом кожаном, широким шагом идущего по хребтам загонов, встал со стула. Это был его момент. Он чувствовал себя хозяином положения, имеющим в руках столь важное известие. Медленным шагом приблизился к кухне и выразительно, высоким голосом произнёс:

– Малгошка, лети сказать пану, что... посланец. Он знает, что это значит.

Малгося тоже знала, что в таких случаях нужно делать. Бросилась в сени, открыла дверь в класс и ужасным криком дала знать:

– Пан, посланец!

Веховский немедленно вошёл в свою комнату и принялся одеваться во всё лучшее: широкие чёрные брюки, подростковые ботиночки на высоких каблучках и с изношенными подошвами, жилет с глубоким вырезом и великоватый жакет, всё купленное годами ранее у сборщика «слегка поношенного» барахла в бытность проживания в губернском городе.

Мартинек просунулся в комнату и испуганным голосом произнёс:

– О, проше пана, идет...

– Очень хорошо. Иди теперь, мой дорогой, и спрячься в кухне вместе с Юзей. И пусть рука Божья защитит, чтобы пан директор вас не увидел!

На выходе Мартинек обернулся и увидел учителя, уже стоящего перед одним из образов. Лицо его было белым как бумага. Он опустил голову, закрыл глаза и вполголоса шептал:

– Господи Иисусе Христе, помоги же и мне тоже... Господи Иисусе Милосердный... Спаситель... Спаситель!..

В этот момент в комнату вбежала пани Марцианна и, схватив Боровича, кричала:

– Идёт! Идёт!..

Пан Веховский вышел в класс, а в «приёмной» заканчивали последние приготовления: стол застлан скатертью, поставлен самовар и вытерты тарелки, стаканы, ножи и поломанные вилки.

Мартинек нашёл для себя и своей подружки надёжное укрытие за дверью, между стеной и огромным кладовым шкафом, занимающим полкухни. Забившись в самый тёмный угол, с максимальным рвением оба двое отдались готовности просидеть в своём укрытии не менее полутора часов. Взаимно решили постоянно молчать, прислушивались с биением сердец к каждому шороху и только иногда отваживались обменяться полушёпотом какими-то невыразительными звуками.

И только по прошествии двух часов со двора вбежала учительница, а за ней Малгося. Последняя в сильной тревоге раз за разом повторяла:

– Едет начальник! Едет начальник! В кожаной будке едет! Ой, вот сейчас тут будет, мой Иисус, любимый, дорогой, ой, будет тут, будет!

Любопытство побороло всякий страх: Юзя и Мартин вышли со своего укрытия, приблизились на цыпочках к дверям, ведущим в сени, и начали по очереди подглядывать в щель и замочную скважину. Рассмотрели зад каретной будки на санях, огромную шубу входящего в школу господина и постоянно согнутые плечи пана Веховского.

Спустя минуту дверь в школьный класс закрыли. С чувством горького разочарования дети вернулись в своё убежище за кладовкой и сидели там, дрожа от страха.

Тем временем в класс вошёл начальник дирекции образования, контролирующий три губернии, господин Пётр Николаевич Ячменёв, и прежде всего скинул с плеч огромную шубу. Заметив, что в классе довольно тепло, снял также и пальто и остался в тёмно-синем мундире с серебряными пуговицами.

Это был высокий и немного сгорбленный человек, лет сорока двух, с лицом большим, немного расплывшимся и обвислым, окаймлённым редкой чёрной растительностью. С губ директора Ячменёва практически не сходила мягкая и добродушная улыбка. Его затуманенные глаза выглядели приятельски и благосклонно.

– Всё наилучшим образом, Ваше Сиятельство... – отвечал Веховский, чувствуя в сердце определённый лучик облегчения при виде доброго расположения директора.

– Ну и зима у вас крепкая! Много человек наколесил по святой Руси, а такого холода в марте редко испытывал. Я в карете, в шубе, в пальто, а всё равно чувствую, знаешь ли, пан, дрожжик...

– Так может быть... – шепнул Веховский, испытывая «дрожжик» стократно более значительный, доходящий аж до пяток.

Директор сделал вид, что не расслышал Веховского. Повернулся к сидящим неподвижно детям, вытаращившим от изумления глаза и в подавляющем большинстве открывшим рты.

– Как дела, детки? – сказал ласково – приветствую вас.

Стоя за спиной директора, Веховский подавал детям знаки глазами, руками, корпусом, но напрасно. Никто не отвечал на приветствие начальника. Пока наконец Михцик, подгоняемый отчаянными взглядами и жестами своего мастера, вскочил и прокричал:

– Здравия желаем Вашему Высокородию!

Директор причмокнул губами и так загадочно поднял брови, что у Веховского мороз по спине пробежал.

– Господин учитель, будь добр вызвать кого-нибудь из своих учеников – сказал посетитель после паузы – хотел бы послушать, как у вас читают.

– Может, Ваше Сиятельство сами изволят приказать кому из них – сказал любезно Веховский, подавая журнал и одновременно всей своей душой моля Бога, чтобы его сиятельству не пришлось на ум согласиться с этим предложением. Ячменёв с вежливой улыбкой отклонил журнал:

– Нет, нет... пожалуйста...

Веховский изобразил небольшое колебание, кого бы выбрать, наконец указал пальцем на Михцика, которого специально пересадил на четвёртую лавку.

Тем временем директор поднялся на кафедру, уселся за стол и, подперши рукой подбородок, прищуренными глазами внимательно осматривал сидящих детей.

Михцик встал, торжественно вынул тремя пальцами Паулсена и выдал концерт чтения. Подобно мраморной плите страх на какое-то время сошёл с груди Веховского. Михцик читал замечательно, плавно, громко. Директор приложил ладонь к уху для лучшего распознавания звуков, одобрительно принимал ударения и подбадривающе кивал головой.

– Ты можешь рассказать своими словами то, что сейчас прочитал? – спросил по окончании чтения.

Мальчик закрыл книжку, отодвинул её в знак того, что будет черпать рассказ только из памяти, и начал без запинки вылушивать на русском языке содержание только что прочитанной сказки.

Ячменёв постоянно улыбался. В самом интересном месте рассказа поднял руку с характерным жестом, какой использует учитель, уверенный, что любимый ученик сейчас ему ответит правильно, и тут же выпалил вопрос:

– Семью девять?

– Шестьдесят три! – с триумфом возгласил Михцик.

– Восхитительно, восхитительно – громко произнёс директор, а, наклонившись к Веховскому, вполголоса шепнул: – Уважаемый господин учитель, этому хлопцу в конце года... понимаете?... первейшую...

Педагог склонил голову и расширил ноздри в знак не только одобрения, но и полного согласия до последней йоты, напоминая при этом официанта из процветающего ресторана, который пытается угадать малейшие пожелания великодушного гостя. Был уже уверен в ситуации и, как это обычно делает счастливый человек, принялся искушать фортуны.

– Может ваше сиятельство захотят ещё Михцика... что-нибудь из арифметики, из грамматики спросить?

– Даже так? Очень, очень хочу... Но надо уже оставить его в покое. Пожалуйста, вырви-ка ещё кого-нибудь...

– Пёнтек! – позвал учитель, несколько сбитый с толку.

– Есть! – крикнул Пёнтек, думая, что началась переключка.

– Читай! – заскрежетал на него Веховский.

Чтение Пёнтка уже меньше восхитило директора. Совсем не поправлял его, только улыбался наполовину добродушно, наполовину иронично. Прежде чем мальчик отмучил три стиха, обратился к учителю:

– Прошу ещё кого-нибудь вызвать...

– Гулка Матвей!

Гулка встал, взял указку и тихонько прошептал названия некоторых московских букв. Когда директор начал принуждать его говорить громче, мальчик испугался, сел на место, а в конце концов залез под лавку. Тогда Ячменёв сошёл с кафедры и, идя между лавками, сам по очереди экзаменовал детей. Это длилось довольно долго. Вдруг Веховский, весь дрожа от страха, услышал, как директор обращается на чистом польском языке:

– Ну, а кто из вас, дети, умеет читать по-польски, ну, кто умеет?

Несколько голосов отозвалось в разных углах класса.

– Посмотрим, сейчас посмотрим... Читай! – приказал первому попавшемуся.

Девочка в переднике, достав Вторую книжечку Промыка⁴, начала читать довольно плавно.

– А кто научил тебя читать по-польски? – спросил её директор.

– Стрыйна⁵ меня научили... – ответила шёпотом.

– Стрыйна? А кто такая стрыйна, господин учитель? – обратился к Веховскому.

– А тебя кто научил читать по-польски? – спросил директор маленького мальчика, не дожидаясь ответа Веховского.

– Пани учительша показала нам с Каськой «дурковане»...⁶

– Пани учительша? Вот как! – прошептал с ядовитой усмешкой.

Выслушав ещё нескольких ребятшек и получив данные, что им нерусские буквы показывал сам учитель, директор вернулся к кафедре и спросил Веховского:

– А что, какой-нибудь ксендз приходит в школу?

– Нет, в нашем селе нет костёла. Только в Пархатковичах, в десяти милях отсюда, есть костёл и два ксендза.

---

⁴ Вторая книжечка Промыка – Вторая книжечка для обучения чтению, написанная для сельских детей автором букваря и пропагандистом народного образования Конрадом Прошинским (1851—1908), публиковавшегося под псевдонимом Казимеж Промык

⁵ Стрыйна (stryjna) (польск.) – тётя, сестра отца. Стрый (stryj) (польск.) – дядя, брат отца.

⁶ «Дурковане» – мальчик имел в виду dukowanie (дукование), т.е. здесь – чтение слов по буквам.

– Так, так... Итак, господин Веховский, – неожиданно сказал Ячменёв – очень, очень плохо. На такое стадо детей – двое читают, остальные ничего не умеют. Впрочем, говорю, что плохо, потому что значительное количество читают по-польски, а в отношении умеющих читать по-русски так вообще число просто колоссальное. И меня это даже не удивляет. Господин, будучи Поляком и католиком, продвигает польскую пропаганду.

– Пропаганду... польскую? – простонал учитель, в целом не будучи в состоянии понять, что означают эти два слова, но хорошо понимая, что в них кроется ещё одно – отставка.

– Да... польскую пропаганду! – перешёл на крик Ячменёв. – Это может показаться вам и другим несерьёзным, но не такое (и я об этом неоднократно писал в циркулярах) есть желание властей, а вы являетесь государственным служащим, и плохо исполняете свои обязанности. Мало кто из детей читает... Не вижу результатов.

– Михчик – прошептал учитель.

– Что Михчик? Пан когда-нибудь был в театре, видел тенора и статистов? Так вот, вся школа это статисты, а эти двое – главные певцы... Это старая штучка, которую я очень неплохо знаю. Впрочем, это повторяется практически в каждой школе, и мне это порядком надоело... Я не доволен вами, господин Веховский...

В учителе затряслось сердце и внутренности. Уже совсем не замечал особы директора и, как ребёнок, постоянно оглядывался на дверь в свою комнату, за которой подсматривала и подслушивала ход визита пани Марцианна. В его мозгу ещё бегали какие-то мысли подобно пульсирующей боли. Одну из них, как последнее средство спасения, высказал Ячменёву:

– Может, ваше сиятельство директор захотят зайти ко мне...

– Нет, у меня нет времени – прощайте! – жёстко сказал директор, поспешно надевая пальто.

– Книги, отчёты веду старательно... – добавил Веховский.

– Книги! – издевательски произнёс директор. – Думаете, что взамен за жалованье, жильё и должность уже и книг вести необязательно, а если в них что-то пишете, то это уже повод для награды? А впрочем... книги? У меня есть ваши отчёты. В них фигурируют цифры читающих, каких я здесь близко не нахожу.

Последние слова произнёс, накидывая на плечи шубу.

– До свидания, дети. Учитесь прилежно, старайтесь!... – сказал, обращаясь к собравшимся детям. Потом, выходя, обратился к учителю:

– Моё почтение...

Веховский не был в состоянии ни проводить гостя, ни пойти за ним. Стоял, опершись на столик кафедры, и смотрел на входную дверь. Смертельный мороз распространялся по его телу и останавливал в жилах кровь.

«Всё кончено... – думал пан Фердинанд – теперь у тебя... Что я здесь буду делать, куда мне ехать, с чего жить? Проживу ли с написания судебных прошений? Хотя там уже четверо этим занимаются...»

Дал знак детям, что могут уже идти, открыл дверь в свою комнату и окинул её быстрым взглядом. Вдруг из него вырвались потоком слёз отчаянье и жаль. Долго рыдал, как ребёнок, припав грудью к столу. Когда поднял глаза, увидел в углу ряд бутылок с пивом. Подскочил, схватил первую попавшуюся, вырвал пробку и буквально одним махом выпил всю бутылку до дна. Бросил в угол первую, и тут же опорожнил вторую, а потом третью, и четвёртую. Пил, не переставая громко плакать, и уже открывал пятую бутылку, как кто-то сильно постучал в двери. Веховский в ярости широко распахнул дверь и увидел перед собой... Ячменёва в шубе и шапке, с улыбкой на лице и с протянутыми к нему руками.

– Вот это ошибка – говорил – вот это глупость! Как легко обидеть порядочного человека, ах, как легко! Веховский! Я не забуду о вас и повышаю вам жалованье! Нужно только, чтоб больше детей читало... усилией, понимаете, больше... А касательно пения, то очень рад, очень,

очень... И не забуду. Жалованье уже в следующем месяце получите лучшее... Ну, я спешу, так что до свидания. Прошу не гневаться за неуважительные слова... Усилий только, усилий...

Стиснул по-приятельски руку Веховского и вышел из комнаты. Учитель следовал за ним шаг в шаг, находясь в полной уверенности: то, что он видит, слышит, что испытывает, есть ничем иным, как сиюминутным сновидением после выпивки такого количества Махлейда.⁷ Перед дверями школы стояла целая толпа баб, он растолкал их и освободил проход для директора. Посадил его в карету, завернул ноги в плед, кланялся без конца, затем, когда карета скрылась за поворотом, вернулся мыслями к себе, продолжая находиться в иллюзии, что спит крепким сном. С этого безумия его вывела только пани Марцианна. Она влетела в комнату, как пушечное ядро, и, содрогаясь всем телом, бросилась мужу на шею.

– Ох, негодное хлопство! Ну и услугу нам оказали! – кричала, заходясь смехом.

– Какую услугу, что ты плетёшь?

– Так ты ничего не знаешь? Так ведь бабы на тебя жалобу подали.

– Полно тебе... какие бабы?

– Гулонка, Пулутова, Пёнтковка, старая Дулембина, Залесячка, ну, все бабы...

– Где, как?

– А вот так. Как директор приехал, сошлись и ждали под дверями школы всем селом. Как директор из сеней вышел, обступили его вокруг, а Залесячка вперёд всех и вышла...

– И чего ж она хотела?

– Ну, не перебивай, расскажу тебе по очереди, что да как было. Сказала, значит, так... У меня аж ноги подкосились, когда она начала своей мордой молотить! Так вот, говорит: «Милостиво просим вельможного начальника, не хотим мы этого учителя, что сидит у нас в селе». А он ей на то: «Не хотите этого учителя, а то почему?». А она тогда: «Не хотим этого пана Веховского, потому что плохо учит». «Как это плохо учит? Что вам не нравится?». «Нам – говорит – ничего не нравится, что он та учит». «Тю, что тут та долго распинаться – встряла сразу старая Дулембина – пан вельможный начальник, не хотим мы этого учителя, так как учит нам детей каких-то спеваниев по руску, книжек тоже самое по руску, что же это за наука такая? Детишка уже скоро три зимы бродят до этой та школы, и не одно не умеет молиться по книжке, а которое и умеет, то не в школе научилось, а один от другого, даже и в поле при стаде. И не в стыд ли? Католицкому спеванию их не поучает, только какие-то та... даже губа не может вымолвить... А как дети – говорила – начнут в школе петь набожно, так он нет, сам весь дрожит, да ещё этот мудрило Михцик с ним вместе заодно, так и не дают детишкам Пана Бога восхвалить. На что же то похоже? А ты плати, давай на него осыпку!⁸ Директор спросил: «Часто учитель поёт с детьми по-русски?». «Да каждый день поёт! – вскричали все вместе. – В этом же легко убедиться. Да хоть бы и его самого опросить. Ведь не будет же он прямо в глаза отрицать! Бывает даже, что ни одному по книжке не покажет, только от самого утра песни выводят...» – стрекотала Пёнткова. «Так вы недовольны паном Веховским – спросил их директор – потому, что он учит по-русски?». «А и как нам быть довольны! Просим, вельможный начальник, чтобы его убрать, а другого нам дать, кто бы по-польски учил, а нет, то... нам такая школа не нужна. Детишка та сами научатся, кто охотливый, и рассказы разные вычитают с книжек, а этот только глупит их, и всё тут. Или запретить ему тех спевов...». «Хорошо, хорошо...» – сказал директор и пошёл сюда к тебе.

– Ха-ха! – рассмеялся пан Веховский. – Вот как меня обвинили! А пусть же им теперь Господь Иисус даст здоровья!.. Сам то я забыл напомнить директору об этом пенни. Може... – он вдруг вскрикнул и начал выделывать по комнате нечто вроде казацких плясок. Взмокший, тяжело дыша, остановился перед женой и сказал:

---

⁷ Махлейд – марка пива; по фамилии владельца известной варшавской пивоварни.

⁸ Осыпка – плата зерном.

– Марцыся, я спасён... вывернулся! Поднимет мне жалованье! Стою ещё крепче, чем тот Пальшевский! Знаешь ли что, жёнушка чернобровушка, а давай-ка бахнем того пива, что директор пить не захотел. Страх какое вкусное...

Пани Веховская с лёгкостью согласилась, и учитель пошёл хлестать стакан за стаканом. Сама при этом достаточно успешно ему помогала. Даже Юзя, Мартинек и служащая получили каждый по четверти стаканчика. Прикончив пиво, учитель начал налегать на горилку. Вскоре Мартинек, услышав в комнате страшный крик, приоткрыл дверь и с ужасом увидел, как учитель, сидящий на столе в одном нижнем белье, держит в одной руке бутылку рябиновки, а в другой большую рюмку, и кому-то выговаривает в исступлении:

– Хамы, негодяи! – визжал педагог, вытаращив глаза – обязаны петь, как я вам скажу, и говорить, как я вам скажу! У меня всё ваше отродье будет петь по-русски! Понимаешь, холоп, мужичье? Сам директор дал слово, что мне жалованье повысит, понимаешь, хамское отродье? Бунт хотели устроить? Ха-ха!.. На по зубам! – кричал, тыкая бутылкой в невидимых противников.

Потеряв равновесие, слетел со стола на диванчик, а оттуда скатился на пол. Смачная рябиновка выливалась из опрокинутой бутылки и длинной полоской текла и исчезала в щели между досками. После маленький Борович с ужасом наблюдал, как Малгося и пани Марцианна за волосы волокли учителя в кровать, а сам учитель, крича, брыкаясь ногами и размахивая кулаками, горланил по-русски в беспамятстве:

Ах, любимые повстанцы,
Удираете, как зайцы!..

В то время как учитель предавался радости, его начальник пробирался через цепь невысоких гор. Дорога шла наискосок по склону протяжённого холма, поднимаясь к перевалу. Оттуда спускалась на равнину, посреди которой располагался губернский город, «штаб-квартира» народного образования. С той стороны гор равнины и возвышенности были покрыты чёрными лесами, среди которых белели широкие поля с полосками крестьянских сёл. День был тёплый, чудесный. В полуденный час солнце буквально топило своим блеском всё пространство этой раскинувшейся окрестности. На весь край веяло тёплое дыхание весны, которая из-за гор, из-за лесов торопилась и в эти места. Кони, тянувшие карету, шли в гору шаг за шагом, Ячменёв даже не ощущал, что едет. Он опустил каретное окно и, удобно полулежа в сиденьи, предался полусонным размышлениям. Очень давние непередаваемые милые мечтания слетелись к нему на крыльях весенних дуновений и окружили его восхитительной стайкой.

– Горы, горы... – шептал полуглядя из своего окна на далёкий вид. Они напомнили ему молодость, прогулки в Баварии, Тироле, Италии и Швейцарии.

По окончании московского филологического факультета Ячменёв, пламенный народник, решил «идти в народ», осесть в сельской школе. Желая раздобыть и освоить методы работы, дающие максимально эффективные плоды, предпринял поездки в Швецию, Англию, Германию и Швейцарию, где особенно тщательно изучал народное образование. Больше всего познакомился со Швейцарией, с палкой в руке и ранцем за спиной прошагав от Боденского озера аж до Лугано и Женевы. Практически в каждой школе знакомился с учителем, посещал уроки, участвовал в прогулках и особенно изучал так называемую «Примашуле», где обучение началось с весёлых бесед и игр на свежем воздухе.

Теперь, едуци, вспомнил одну маленькую девочку в огромных подбитых гвоздями ботинках, с большим зонтиком в руке, сквозь ненастье и вихри идущей со своей торчащей среди туч хаты, оттуда, где только коза, семейная кормилица, может найти себе пропитание, и где сам человек беднее её во сто крат.

Много бы дал за то, чтобы ещё раз в жизни пойти вместе с шестилетними гражданами свободного Швейцаранда в лес, искать вместе с ними укрытых в листьях «гномов» в огромных островерхих шапках и с большими бородами. Ах, чего бы только не дал, чтобы вернуться в годы молодости, вести долгие беседы с порядочными учителями швейцарских сельских школ, далеко за полночь рядить с ними о способах изведения темноты в «страшной России» и иметь в груди, прямо скажем, благородное сердце!..

И тут вдруг директор Ячменёв заплакал...

Тёплый ветерок усилился, когда карета достигла верхней точки горы.

– Ах, какой же я старый, очень старый... – шепнул себе Ячменёв. – Прошло, минуло безвозвратно, развеялось как туман над озером. Случается в жизни: вчера ты с палкой в руке лазил по скалам, чтоб научиться лучше, быстрее, человечнее нести свет тёмным массам крестьянства, а сегодня... Не стоит развивать образование в космополитичном значении этого слова, но следует развивать «образование российское». Разве на это пригодился сам Песталотти...⁹ Желая при помощи русификации польских хлопов действительно приобщить их к быстрому развитию Севера на пути к цивилизации, нужно было сделать это с таким эффектом, чтобы здешний хлопок полюбил Россию, её православную веру, язык, обычай, чтоб был готов работать на неё в мирное время и гибнуть за неё, если придётся, на войне. А для того необходимо вырвать с корнем местный, поистине звериный, консерватизм этих хлопов. Нужно разрушить их древнюю, собственную культуру, как ветхий дом, сжечь на костре верования, суеверия, обычай и построить новое, наше так быстро, как строятся города в Северной Америке. И только лишь на этой почве можно начать воплощать мечты швейцарских педагогов. То, что мы делаем, те средства, что предпринимаем...

И чтобы такого тут можно сделать, что разработать в целях усиления русификации, той неотвратимой и результативной русификации?

Этот вопрос выскочил вдруг из глубин сознания Ячменёва и встал перед ним со всей своей выразительностью, словно внезапно появившийся из-за угла тайный агент, особенно когда его меньше всего ожидают.

Карета находилась на вершине горы, по хребту которой пролегла дорога. С правой и левой стороны открывался широкий вид на две плоские долины. Тут и там тянулись полосами леса, холмы с большими белыми лоскутами полей... Далёко, далёко за крайними синими борами серела заслоняющая горизонт лёгкая дымка. Был самый полдень. Во всех сёлах отовсюду тянулись к небу из печных труб синие столбы дыма. Это было единственное движение во всём безразмерном пространстве, лежащем в немом покое и как бы спящем. Только длинные полосы дымов, казалось, рисуют на белых страницах полей никому не известные, таинственные знаки.

---

⁹ Песталотти – Jan Henryk Pestalozzi (1746—1827) – выдающийся швейцарский педагог, сторонник всеобщего образования и свободного развития врождённых способностей ученика.

Глава 3

В нижнем коридоре классической гимназии города Клерикова находилось множество народу. Были там чиновники, шляхта, ксендзы, промышленники и даже зажиточные из крестьян. Вся эта толпа представляла в данный момент одну общую категорию: родители.

Это был длинный коридор с выложенным из песчаника полом. Своим видом он сильно напоминал исконную сущность – коридор монастыря. В грубые и холодные стены были утоплены узенькие окна. В нём господствовали древний мрак и печаль.

Вовнутрь через застарелые зеленовато-синие стёкла украдкой попадали лучи раннего солнца и золотили свежесмытые стены и желтоватый истоптанный пол. По правую и левую стороны располагался ряд дверей, ведущих в школьные классы. Двери, как и окна, были раскрыты настежь, и были видны свежескрашенные жёлтой масляной краской полы, а также свежие серо-голубые стены с большими лампериями.¹⁰ Острый запах лака и скипидара наполнил весь коридор.

В вестибюле за стеклянными дверями преспокойно спал, уже в такую раннюю пору, высокий и худой дворник, известный двум поколениям под псевдонимом «пан Пазур».¹¹

Несмотря на то что пан Пазур отслужил двадцать пять лет на «*Капказе*» за Николая, а другие столько же просидел в учреждении, щедро поощряемом к использованию в своей работе русского языка, не научился ему, хотя и умудрился заменить свой родной язык на говор неслыханный, состоящий из совершенно новых выражений, которых содержание и звучание никому на белом свете, за исключением самого пана Пазура, знакомы не были.

Сам пан Пазур охотно замещал некоторые выражения то движениями кулаком, то дудением носом, то закрыванием глаз и даже высовыванием языка.

Со времени отмены «субботних остановок»¹², то есть часто применявшихся телесных наказаний, пан Пазур утратил юмор и фантазию. Начал дремать и мужественно сносить насмешки даже поступающих и первоклашек.

На другом конце коридора располагалась гимназическая канцелярия, куда постоянно входили прибывающие учителя. Постепенно наполнялся людьми и сам коридор.

Шорох живой беседы, хотя и приглушённой, в основном, ввиду того что велась по-польски в стенах русской гимназии, нарастал и затихал.

Среди лиц, ходящих по коридору, находились также пани Борович и Мартинек, кандидат до вступительного класса. Кандидат был одет уже «по-мужски»: с него, наконец, были сняты грубые ботинки на шнуровке и чулки и одеты настоящие брюки, доходящие до самых каблуков новеньких туфель.

Эти брюки и туфли являлись заготовкой для гимназического мундира, всё равно что начальным наброском для картины, но при этом ещё даже далеко не черновиком.

А чтобы облачиться в мундир, надлежало ещё сдать экзамен. Прощение о зачислении Мартинка в число учеников подготовительного класса вместе со свидетельством об общем имущественном состоянии родителей, прививкой от оспы, метриками и т. д. – было подано на имя директора ещё два месяца назад. В настоящий момент ожидали назначения даты экзаменов. Именно это и составляло содержание оживлённой беседы прогуливающих по коридору особ.

---

¹⁰ Ламперия – цветная полоса от пола до определённой высоты, идущая вдоль стен внутри помещения (от нем.).

¹¹ Пазур (Pazur) – коготь (пол.).

¹² «Субботние остановки» – отложенные до субботы накопленные за неделю наказания.

Любой, кто относился к гимназическому коллективу, пробираясь сквозь толпу, тут же становился предметом пристального и сконцентрированного внимания, будучи неоднократно при этом вопрошаем, чуть ли не хором, о той самой дате экзаменов.

Ни один из клериковских педагогов, а тем более помощников начальников классов, не были способны дать хотя бы приблизительный ответ. Особенно беспокоились насчёт этого таинственного дня обыватели земские и вообще все прибывшие издалека. Собственно сроки, оглашённые в графиках, уже прошли. В назначенный день некоторые экзамены были перенесены на неопределённый срок, другие разбросаны так, что поступающего во вступительный класс мальчишку сегодня экзаменовали по русскому чтению, а только спустя неделю он должен был сдавать арифметику, и потом ещё непонятно когда молитвы и катехизис. Некоторые родители, приехавшие за десятки километров, не могли отъехать обратно, не будучи уверены приняты ли их дети. Отсюда возникали страстные перешёптывания и поиск информации.

Пани Борович было до Гавронек всего три мили, но и она чувствовала себя как на иглоках.

Ещё ни одного экзамена Мартин не сдавал; не было также определённой уверенности, будет ли он принят, ввиду большого наплыва кандидатов. Все эти обстоятельства, да ещё сложенные с опасениями, надеждами, тревогой о доме и т.д., приводили к тому, что мать Мартинка была грустной и нервной. Она довольно быстро ходила по коридору, держа сына за руку. Её старая, немодная мантилья, выцветший зонтик и вековая шляпка не привлекали ни малейшего внимания богатых особ, но, видно, приглянулись господину в чёрном сюртуке, широких брюках, заправленных в голенища грубых сапог, начищенных до блеска ваксой. Господин был крепкий, краснолицый и, по-видимому, страдал астмой, так как тяжело пыхтел и покашливал.

– Проше пани – сказал шёпотом, подходя к пани Борович – ничего не известно, когда экзамены?

– Ничего не знаю, мой пане. А вы сына отдаёте?

– Хотел бы... Четвёртый день сижу. Уже и не знаю даже, что делать...

– Спешите куда-то?

– Да как не спешить то, проше ласки пани? Моя корчма промедления не терпит. Акцизный ездит, а известно, что такое акцизный, когда хозяина дома нет. Если человека нет раз, второй раз, то тут же три шкуры сдерёт!

– Хлопец во вступительный класс?

– Разумеется, проше ласки пани.

– Готов?

– Ха, кто его знает? Репетитор сказал, что высший класс!

Когда пропинатор¹³ начал рассказывать подробности подготовки своего сына, в коридоре показался директор гимназии. Был то старый и седой человек, среднего роста, с коротко подстриженной бородой. Шёл, высоко подняв голову, и бросал быстрые взгляды направо и налево из-за тёмно-синих очков. Внезапно остановился перед шинкарём и громко к нему обратился:

– *Вам чево?*

Толстый господин застегнул свой чёрный сюртук и ударил себя ладонью по затылку.

– Кто вы? – спрашивал директор всё громче, настоятельно и нелюбезно.

– Йозеф Трнадельский... – пробормотал.

– Чего желать изволите?

– Сын... – шепнул Йозеф Трнадельский.

– Что сын?

– На экзамен...

---

¹³ Пропинатор, пропинационное право – исключительное право выделки и продажи крепких напитков на землях того или иного владельца. Сохранилось в Бессарабской губернии, в Царстве Польском, в Западном крае и в Прибалтийских губерниях.

Директор смерил пропинатора с ног до головы изучающим взглядом, дольше задержался на голенищах его сапог, затем, задрав ещё выше голову, пошёл в канцелярию, не отвечая на поклоны собравшихся. Во время данного разговора пани Борович в страхе удалилась с того места и очутилась в вестибюле. Там крутилось с дюжину учеников в мундирах, с первого или со второго класса, имевших, видимо, какие-то «хвосты», которые, даже толкая друг друга и таская за лбы, не выпускали при этом из рук латинские и греческие учебники грамматики. Мартинек отдалился от матери и засмотрелся на «бой» двух гимназистов, когда со двора вбежал третий и тут же прицепился к молодому Боровичу:

– Ты, цимбал! Кто тебе сварганил такие штанишки?

– Мама... – прошептал Мартинек, отступая к стене.

– Ма-ма? Может, прадед Панталон Запинальский с Телячьего Копыта?

– Нет... у меня нет прадеда Запинальского... – сказал изумлённый Борович.

– Нет? Так куда ж ты его подевал? Говори!

– А что кавалер хочет от моего сына? – вмешалась пани Борович, немного задетая злыми насмешками.

Вместо ответа гимназист по-дамски оседлал лестничные перила, в мгновение ока съехал в самый низ и исчез во тьме подвала, где размещались дровницы и школьные склады.

Одновременно спящий за столиком пан Пазур чуть двинул одним из своих огромных век и хриплым голосом прокричал:

– *Воспреща* разговаривать *по-польски*!

Два ученика, которые только что вырывали друг другу волосы, услышав напоминание пана Пазура, как по команде в один голос пропели:

Пазур
Мазур
Объелся гороху!..

Дворник затряс полуоткрытым веком и, нехотя имитируя губами свист розги, выполнил рукой несколько движений, в точности напоминающих экзекуцию лежащего человека. Пани Борович приблизилась к нему и, коснувшись его плеча, спросила:

– Пане, не мог бы мне пан сказать, когда будет экзамен?

Дворничье посмотрело на неё и ничего не ответило. Тогда всунула ему в руку серебряную сороковку и повторила свой вопрос. Старый сразу оживился и принялся чесать свою лысину.

– Видит пани, мне ничего не *известно*. Но нужно бы сделать так: как только учителя выйдут из канцелярии и пойдут на этаж, то можно подойти к секретарю. Если кто и знает, то он...

– А скоро ли они выйдут из канцелярии?

– Ха... этого я уже не могу знать.

Это известие мама Мартина повторила нескольким особам в коридоре. Весть о возможности получения хоть какой-то подсказки быстро разошлась по толпе. И действительно, довольно скоро директор и учителя по очереди стали выходить из канцелярии и направляться на этаж, где находилось большинство высших классов и куда никому из посторонних входить не позволялось. Однако в канцелярии ещё оставалось несколько преподавателей. Один из них вошёл в не тронутый ремонтом класс и провёл туда учеников, сдающих «хвосты».

Двери до того помещения остались незакрытыми и Мартинек с опаской и любопытством прислушивался к экзаменованию. Старый учитель в тёмно-синем фраке прохаживался от дверей до окон и обратно, что-то бормоча себе под нос, а ученик решал на доске задание по алгебре. Увидев на доске какие-то знаки и цифры, значения которых совсем не понимал, Мартинек замер от страха и шепнул маме со слезами на глазах:

– Ты думаешь, что я сдам, когда я этого не умею!

– Но тебя же об этом спрашивать не будут... Видишь, это отвечает ученик со старших классов.

Как бы то ни было, Мартинек от страха не отошёл, а вид иксов и игреков ещё больше увеличивал давящий на мальчика груз.

Наконец, последние учителя вышли из канцелярии, и тотчас определённая группа особ, к которой присоединилась и пани Борович, набилась в ту комнату. Она была длинной, тёмной, в одно окно, нижняя рама которого находилась на одном уровне с мостовой во дворе. Там сидел обращённый спиной к двери школьный секретарь.

Вошедшие довольно долго стояли у дверей не смея отвлекать погружённого в работу секретаря. Наконец, кто-то кашлянул. Чиновник обернулся и спросил собравшихся, чего они хотят. Земский обыватель, привезший двух хлопцев аж с конца соседней губернии, на плохом русском выложил просьбу о каком-нибудь прояснении касательно дня экзамена.

– Ничего не могу пану сказать – ответил секретарь – когда сам не знаю. Всё зависит от учителя, преподающего в подготовительном классе, пана Маевского, если речь идёт об экзамене в подготовительный. Допускаю, что ещё на этой неделе.

– На этой неделе... – пробормотал шляхтич, уже восемь дней отсутствовавший на своём хозяйстве.

– Так думаю... – сказал секретарь и тут же принялся вытирать резинкой, опривленной в дерево, какую-то ошибку в своих бумагах.

Шляхтич обернулся к стоящей рядом особе будто бы для объяснения полученного ответа, на самом деле в ожидании, что чиновник ещё хоть что-нибудь скажет. Однако секретарь не только ничего не сказал, но даже взглянул с выражением нетерпеливости.

Вся группа вынуждена была покинуть канцелярию. Мартина и его маму ещё больше обуяло состояние печали, когда они очутились на улице. Беспокорство ожидания не ушло, кроме того, выросла усталость. Со времени приезда в город мальчик был грустный. Его мучила и давила городская теснота, мостовая обжигала и выворачивала ноги, окружающие стены и недостаток горизонта вызывали в нём необъяснимое огорчение, которое несмотря на постоянные вздохи, никак не выходило у него из груди. Всё в этом городе было другим, отличным от села, всё было холодным и колючим, всё относилось к нему не как к ребёнку. Кое-где стоящие вдоль тротуаров деревья, маленькие деревца, заключенные в железные решётки подобно кандалам, причиняли ему боль; ему очень не хватало мягкой травы, со слезами смотрел на пробивающиеся между булыжниками мостовой тоненькие зелёные стебельки, а единственное облегчение и утеху находил, глядя на небо, которое одно было таким же, как в Гавронках, и которое одно как верный приятель шло за ним везде, куда бы ни направлялся.

Из гимназии они сразу пошли в свою гостиницу и закрылись в номере. Заезд в неё находился в одном из грязнейших мест города. Из ворот, размещённых в двухэтажном фасаде, нужно было войти в немногим более широкий дворик, замощённый такими огромными булыжниками, будто их клали циклопы, строители Акрисия, деда Персея. Продолжением двора была конюшня, накрытая довольно большой, но дырявой крышей. По обеим сторонам открытого двора находились два одноэтажных дома, в который располагались гостиничные номера. Входили в них непосредственно с мостовой, глядя на которую можно было догадаться, что кони проживающих в стенах гостиницы «Варшавская» шляхтичей не раз должны были подолгу ожидать выезда своих хозяев. В углу двора на ободранной стене чернели большие буквы надписи: «номеровый», а под ней размещалось наполовину спрятавшееся в земле окно. Именно там местился худой и понурый Винцент, существо, живущее на чаевые, оседающие в его ладони как вознаграждение за всякого рода услуги, какими пользовался контингент, гостящий в гостинице «Варшавская».

Пани Борович велела Мартинку повторять русскую грамматику, а сама улеглась на диване отдохнуть. Хотела хоть минуткой сна сократить время ожидания результатов своих хлопот, но ей не удалось даже сомкнуть глаз. Твёрдая гостиничная подушка и влажная наволочка встретили её неприветливо; то и дело раздавался страшный грохот, когда очередная фурманка въезжала во двор, а, кроме того, из соседнего номера, в который вела глухо запертая, заставленная комодом дверь, постоянно доносились шум и крики.

– Ты, отец, не имеешь никакого понятия об *ударениях*, а меня тут учишь! – кричал пискливый и чрезвычайно возбуждённый детский голос.

– Я тебя не спрашиваю, цимбал, о том, знаю я ударения или нет, я тебе говорю только, чтобы ты читал... – отвечал низкий голос.

– А я говорю, что ты не знаешь! Как брить бороды знаешь, как стричь космы тоже, а что до чтения, то это не твоего ума дело.

– Вы только на него посмотрите... – жаловался низкий голос. – Он ещё в школу не поступил, а как рассуждает! А что же потом будет? Отцом своим, родителем, гнушаешься!

– Э!.. Оставь меня, отец, в покое!.. Пан говорил иначе читать, только и всего.

– Только тут пана нету, понимаешь это? Вот завтра или послезавтра как возьмут тебя допрашивать и пойдёшь по грибы; не будешь читать – забудешь за милую душу.

– Чуть что, сразу по грибы... – проворчал детский голос.

Мартинек, стоя у окна, шептал набившие оскомину грамматические термины, которые знал не настолько хорошо, как молитву или таблицу умножения, и глядел апатично во двор.

Его мало интересовал разговор в соседнем номере, в то же время всё его внимание было приковано тем, что происходило возле жилища сторожа.

Там стоял израильтянин, одетый в длинный, доходящий до щиколоток очень чистый сюртук. Держал во рту белую костяную рукоять трости и внимательно слушал, что ему говорил «номеровой». Время от времени бросал взгляд на стёкла, за которыми стоял Мартинек, и постоянно пальцами правой руки чесал себе бороду. Вскоре не спеша подошёл к дверям их номера и постучал.

– Кто там? – с беспокойством спросила пани Борович, поворачивая ключ в замке.

– Это я, проше вельможной пани – сказал прибывший, просовывая в номер голову. – Я торговец зерном, хотел бы немного сказать за *интерес*.¹⁴

– У меня сейчас нет времени говорить о делах, мой пане. Едь, будь добр, в Гавронки, к моему мужу, с ним и поговорите.

– Так легко вельможной пани сказать: едь; такие ужасные времена настали с этой стагнацией, с этими... властями. К тому же, мне ли эти вещи объяснять вельможной пани? – сказал, практически силой вваливаясь в номер.

– Мой пане купец, я не вельможная, об интересе здесь и сейчас говорить не буду, у меня другие, более важные проблемы на голове...

– С этим юным кавалером. Я понимаю, моя дорогая пани. Это есть немалая проблема... я понимаю... – сказал с глубоким вздохом.

Этот вздох и упоминание о кавалере сразу смягчили сердце пани Борович.

– Может, отдавал пан сына в гимназию? – спросила.

– Я не отдавал, так как меня не хватит по нынешним временам на подобные чудачества, но мой брат, тот отдавал. Натерпелся достаточно на той забаве... А в какой класс? – спросил с улыбкой Мартинка.

– Во вступительный, пане.

– У-у! Очень много кандидатов, целых сто человек, говорят, на тридцать четыре места. Хорошо ли подготовлен... прошу прощения, как имя сыночка?

---

¹⁴ Интерес – (здесь) выгодное дело.

– Мартинек... – ответила пани Борович. – Пан спрашивает, хорошо ли подготовлен? Конечно, хорошо, вот только сдаст ли... кто ж может знать?

– А почему он может не сдать, такой Мартинек! – воскликнул купец. – Сдаст наверняка, только от того сдавания до принятия та ещё темница. Пусть пани посчитает: сто с лишним и даже ещё больше кандидатов на тридцать четыре места... страшная цифра. Они... эти Москали – добавил тише – они наверняка наших бедных детей сразу начнут спрашивать по латыни, и это на экзамене во вступительный класс!.. Нынче практически все подготовлены, все говорят по-русски, а они выбирают только некоторых. То тяжёлые времена, моя пани, для просвещения...

Мартинек встретился своим взглядом с материнским и не нашел в нём уверенности. Жид оказался для матери злым вестником. У неё было желание попросить его из номера, но он продолжил:

– Мой брат два года назад, когда отдавал сынка точно так же во вступительный класс, так он отлично всё уладил.

– Как же он уладил?

– Он подумал так: Кто может лучше всего знать, как надо отвечать, чтобы сдать в первый класс? Очевидно, тот, кто экзаменует в первый класс. Он подумал дальше: почему бы тому, кто экзаменует в первый класс, не научить моего Гутя хорошо ответить. Почему бы ему не дать «репетицию», когда все профессора имеют право давать «репетицию»? Мой брат так себе подумал и обратился к пану Маевскому, тому, кто экзаменует, тому, кто позже целый год преподаёт во вступительном классе русский язык и арифметику... он его любезно попросил...

– И много паньский брат заплатил за эти уроки?

– Я этого точно не знаю, но мне кажется, что не много. Этот пан Маевский – очень понимающий человек.

– А долго ходил к нему паньский племянник?

– Так же недолго. В неделю управился.

– И сдал?

– Сдал очень хорошо, гораздо лучше тех, у кого в репетиторах были академики...

– Пани любезный – сказала мама Мартинка – не мог бы ты случаем узнать у своего брата, сколько всё же он заплатил пану Маевскому?

– Почему нет? Я могу узнать, но ответу, может, только завтра, так как мой брат живёт очень далеко, на другом конце города, за предместьем Подпурка, а я не имею там ни одного интереса...

– Я бы пану возместила затраты на дрожку – сказала пани Борович, доставая из мешочка рублёвую бумажку и протягивая её купцу – вот бы пан сейчас захотел поехать и всё подробно разузнать.

– В общем, я могу это сделать для пани – сказал старозаконный, нехотя пряча купюру в портмоне. – Я всё узнаю и скоро вернусь. Адью!

Не успела ещё пани Борович остыть от огней, которые ударили по ней, как только она услышала о возможности улучшения в деле экзаменов, не успела собраться с мыслями и взвесить обстоятельства, как израильтянин уже стучал в двери. Миссию разузнания целого секрета от проживающего на другом конце города Клерикова брата выполнил так быстро, словно бы в этом Клерикове функционировали молниеносные средства передвижения, нигде до тех пор на всей земле не применяемые.

– Мой брат говорит – произнёс ещё в дверях – что он на всю ту штуку отдал по три рубля за час, то есть двадцать один. Чтобы было аккурат одной бумажкой, то он дал двадцать пять рублей.

– А случаем пан не знаешь, где живёт пан Маевский?

– Он живёт на Московской улице, в доме Баранка, от ворот налево.

– Большое пану спасибо – сказала пани Борович – за вашу любезность. Кто знает, может и я попрошу пана Маевского об уроке для моего сына.

Старозаконный было снова попытался начать разговор о зерне и его ценах, но пани Борович больше не хотела с ним больше общаться. Выходил из номера задумавшись и, ещё находясь в глубине двора, о чём-то глубоко размышлял.

В час дня гавронковская помещица вышла с сыном на обед в ресторан. Фурмана с конями и бричкой отправила домой. Описала для мужа суть дела и очень его просила занять у местных банкиров двадцать пять рублей. В ресторане мать и сын ничего практически не тронули. Элегантный официант, наполовину изъеденный чахоткой, напрасно бегал в своём фраке, ослепительно блестящем, будто бы пошитом из высушенной позолоты рассола, приносил разные вазочки, мисочки, тарелочки с жидкими, жареными, тушёными «ужасами» и относил их на кухню практически в тех же количествах и размерах. Всё, что делала и о чём думала пани Борович, было в условиях шляхетской семьи их уровня чем-то вроде государственного переворота. Уже само поступление в гимназию, обязательность оплаты станции¹⁵, вступительного взноса, учебников, обмундирования и т.д., вызывали непомерное напряжение. Теперь же, когда маячила необходимость платить по три рубля за час урока, это уже было слишком. Пани Борович мысленно всё взвешивала, перебирала различные варианты и в конце концов определённо утвердилась: даже если бы пришлось ходить в лохмотьях, мальчика учить необходимо. Брала в расчёт индюков, поросят, уток и пр. и обещала себе, что непременно покроет все расходы. Во время обеда она находилась в том особенном просветлении мысли, когда так чётко просчитываются различные явления и события в жизни, когда ясно видишь перед собой их грядущий бег. Однако то были дела близкие. Над обширной границей этого горизонта нависала непроникаемая тьма, закрывающая его даже от глаз матери. Кем является этот маленький Мартинек? Какой мужчина вырастет с этого ребёнка? Как он будет говорить? О чём будет думать?.. Она непрерывно углублялась в эти вопросы, глядя на его стриженую головушку.

Ресторан был практически пуст. В маленьких залах, пристроенных с грязным шиком (NB – с местным грязным шиком), увивался всё тот же официант. Подчернённые и подкрученные кверху усы, гладко расчёсанные от середины головы волосы капитально подходили к его покрытому трупной зеленоватой кожей лицу, на левой щеке которого кирпично краснелось пятно ожёга. Приближаясь к гостям, этот человек одевал на своё лицо халдейскую улыбку, которая в его профессии была такой же одеждой, как фрак; выполнял элегантные жесты, перемещался и кланялся с большой свободой. Пани Борович какое-то время внимательно за ним наблюдала – именно тогда, когда она мечтательно заглядывала в будущее кандидата во вступительный класс. И снова в мыслях перед ней встал самый неотвратимый из всех расходов. Когда пришло время заплатить за два обеда полагающиеся пять злотых, положила на поднос рядом с этой суммой дополнительно три бумажных рубля и пододвинула официанту, в глубине сердца полагая:

«Пусть пойдёт на счастливую жизнь моего Мартинка...»

Сразу после обеда отправились вдвоём на Московскую улицу и без труда нашли дом пана Маевского. На звонок им открыла дверь очень красивая дама, одетая в изысканный домашний наряд. Узнав, что у пани Борович дело к «профессору», проводила их в салон и любезно просила подождать возвращения своего мужа, которое непременно должно наступить через полчаса. Салон был воистину как коробочка, наполненная красивыми безделушками. На блестящем полу лежал ковёр, на котором стояли небольшие, обитые светлой материей мебельюшки: изящный диванчик и два креслица, собранные вокруг маленького столика, на котором лежали

---

¹⁵ Станция – здесь и далее имеется в виду частный дом, пансион, где арендуют «угол» ученики гимназии для проживания и питания.

альбомы, красивые коробки с кучей фотографий и мисочка, наполненная визитными карточками.

У окна размещалось бюро, заставленное множеством любопытных цацек: там пощёптывали часы в форме беседки, в глубине которых плавно качался маятник, представляющий собой колыбель со спящим ребёнком; там стояли всевозможные чернильницы, разнообразнейшие приспособления для папирос и спичек, перьевые ручки на любой вкус; выше на двух полках блестело множество пресс-папье, фарфоровых и бронзовых фигурок, цветных кружек и стаканов. Перед бюро стояло лёгкое кресло на колёсиках, а рядом корзина для использованной бумаги. На всех стенах висели так называемые китайские занавески, на которых крепились в виде веера фотографии красивых девиц, до предела обнажённых, с неслыханно большими глазами и бюстами, или милых котят, забавных сцен и видов губернского города Клерикова.

В углу салона, рядом с жардиньеркой¹⁶, стояло пианино, и снова на нём красивые штучки и фотографии, стоящие в изящных плюшевых и блестящих металлических рамках.

Пани Борович уселась на краешке первого стула поблизости от двери; несколько раз наказала сыну стоять спокойно, чтобы, не дай Боже, не сбить что-нибудь нечаянно, и с биением сердца принялась ожидать.

Теперь, когда уже «государственный переворот» почти совершился, её обуяло чувство тревоги, не слишком ли предпринятые шаги опрометчивы? Часы на бюро, как казалось шептали: быть тому, быть тому...

В соседних комнатах были слышны какие-то шаги и приглушённый, ведущийся шёпотом, разговор. Прислушиваясь, уж не сам ли пан профессор пришёл, пани Борович машинально посмотрела в угол комнаты и увидела икону в серебряной оправе и горящий перед ней светильник.

«Ну да, ну да – подумала – это же из тех, кто перешёл на православие».

И её данный вопрос не беспокоил бы вовсе, если бы за ним как тень не следовал пред-
рассудок:

«... Он не может быть хорошим человеком...»

Часы с колыбелью отзвонили серебряным голоском два часа, а пана Маевского всё ещё не было.

И только незадолго до трёх в передней раздался звонок, а по прошествии четверти часа дверь в салон тихо открылась и на пороге показался пан профессор.

Это был высокий блондин со светлой бородой и сильно поредевшими волосами. Был всё ещё одет в тёмно-синий фрак и такого же цвета жилетку с серебряными пуговицами, на каждой из которых красовался государственный орёл. Жилетка была с глубоким вырезом, обнажившим манишку рубашки, ослепительно белую, накрахмаленную и блестящую как зеркальное стекло.

Учитель поклонился, красивым движением обнажая манжеты, и, когда пани Борович представилась, спросил по-русски:

– *Чем могу служить?*

Мама Мартинка не объяснялась на этом языке, но и боялась обидеть учителя, если заговорит с ним на польском, поэтому попыталась выложить суть дела по-французски, с трудом выговаривая давно позабытые обороты и предложения.

Пан Маевский услужливо присел на ближайшее кресло, едва заметным жестом поправляя на лице тёмно-синие очки, при этом слегка приоткрывая рот, но при всём своём старании и напряжении внимания никак не мог догадаться, о чём же идёт речь.

Вскоре сам переспросил по-польски, протягивая гласные и ставя ударения на русский манер, хотя прошло едва два года, как стал Россиянином, в России никогда не был и за пре-

---

¹⁶ Жардиньерка – столик или полка под цветочные горшки.

дела границ Клериковской губернии, населяемой исключительно поляками (со значительным вкраплением еврейским), никогда в жизни не выезжал:

– Стало быть, речь идёт об этом юноше... *так ли?*

– Так, пан профессор – говорила теперь словно на одном дыхании пани Борович – я бы хотела его отдать во вступительный класс. Он учился на селе, в начальной школе. Готов ли... этого я точно оценить не в состоянии. И поэтому осмеливаюсь просить пана профессора, может, захотите его ещё немного подготовить, пока экзамен... С уверенностью, несколько уроков, преподанных таким как пан профессор педагогом просветят его больше, чем полгода обучения в сельской школе...

– Ну, зачем же так? – воскликнул пан Маевский с удовлетворением руководителя класса, пусть и вступительного, зато в гимназии, который ещё пару лет назад был учителем начальной школы в какой-то Кернозии.

– Я всецело убеждена, что так оно и есть... Если бы только пан профессор захотел обратить внимание на моего сына...

– Видите ли – прервал он – масса кандидатов... Я не знаю, что он умеет, стоит ли игра свеч...

– Пан профессор...

Пан Маевский вежливым жестом прервал пани Борович и задал Мартину по-русски несколько вопросов в области грамматики, арифметики и т. д. Выслушав его, по всей видимости, хороших ответов, опёрся головой на руку и какое-то время о чём-то долго размышлял.

– Пани... – прошептала вся дрожа мама кандидата.

– Да... Если пани так хочет, могу дать малому несколько уроков. А сдаст ли... этого, разумеется, предсказать невозможно...

– Что, плохо подготовлен?

– Не то, чтобы плохо... так, если брать в целом... Но, видит пани, произношение, ударение, это то, чего какой-нибудь репетитор или *учителюшка* на селе привить не в состоянии, потому что сам ими не обладает... Система, видит пани, требует, то есть... правильного произношения, а его то... как раз и нет. Все в этих краях общаются дома по-польски, родители... а, стало быть, и дети не могут говорить хорошо. А система, понимаете ли, требует этого самого, как говорю – правильного произношения.

Кто-то слегка постучал в двери. Профессор нетерпеливо заёрзал, давая понять, что разговор закончен. Этот момент был настоящим мучением для пани Борович, так как приходилось приступать к вопросу оплаты, нужно было оговорить её твёрдо, дипломатично и мастерски вежливо.

– Я буду – сказала – бесконечно признательна пану профессору за любезно оказанную услугу... Могу ли я прямо сейчас оплатить эти уроки? Мне предстоит на днях отъехать и потому утруждаю пана...

– Об этом... того... Обычно беру три рубля за час. У меня ещё тут дюжина мальчиков, которых также готовлю. Они платят в этом случае...

– Надеюсь, нам ещё хватит времени на каких-нибудь восемь уроков. Школьное начальство не торопится... – сказала пани Борович как бы мило и любезно оправдываясь. – Для нас, засидевшихся по сёлам, воистину есть благом по мере возможности пользоваться городами, но за это – наши поля и гумна... Вот двадцать пять рубликов...

– Ах... то я пани рубль сдачи... – поспешно воскликнул учитель, бросаясь к своему роскошному бюро.

– Ох... столько беспокойства...

– Нет, нет! – настаивал учитель. – Я придерживаюсь такого правила, моя любезная пани: любим как братья, но рассчитываемся как евреи...

Несмотря на то, что пани Борович вовсе не походила на брата пана Маевского, восприняла данную максимуму вполне одобрительно. Приняв рубль, в сопровождении тысячи комплиментов профессора, с обоюдными поклонами, была проведена им аж до входных дверей. В сенях пан Маевский, взяв мальчика за плечо и, открыв дверь налево, показал ему длинную практически пустую комнату с большим сосновым столом посередине.

– Приходи на уроки ежедневно ровно в пять, начиная с сего дня... и сразу заходи в эту комнату... – сказал, поглаживая мальчика по голове.

Глава 4

Только лишь три раза довелось пани Борович проводить своего единственного ребёнка из гостиницы на дневные уроки к учителю, так как уже на четвёртый день состоялся первый экзамен по русскому языку. В тот день гимназический коридор находился на осадном положении. Публика настолько толпилась в беспамятстве, подсматривая и подслушивая то, что творилось в экзаменационном зале, что администрация гимназии вынуждена была делегировать целых трёх ассистентов классных руководителей и пана Пазура для призыва родителей к порядку (в довольно грубой форме) и даже для насильного распахивания их локтями.

Экзаменационная комиссия состояла из трёх членов: из инспектора гимназий, пана Маевского и одного из учителей. К слову, тот последний вряд ли мог отдалиться делу с должным вниманием, так как был занят исключительно ковырянием в ухе очень тонкими берёзовыми палочками, отрезанными от метлы. Целый пук такого рода инструментов выглядывал из бокового кармана его фрака. Инспектор был мужчиной высокого роста, с головой, поросшей копной рыжеватых волос. Его большие синие глаза глядели так хмуро и враждебно, что не только учеников, но даже родителей обуяла тревожная дрожь. Гора бумаг, лежащая на столе перед инспектором, служила ему чем-то вроде списка приступающих к экзамену, и состояла из их прошений и остальных документов. Инспектор, по мере того как учитель Маевский экзаменовал очередного кандидата, внимательно читал бумаги и делал в них свои отметки. Прослушивание длилось кратко: мальчик читал два-три предложения, потом пересказывал, декламировал какой-нибудь российский стих, если знал наизусть, потом ему кидался вопрос из грамматики и предлагалось сделать разбор. Эти разбор и вопросы, неожиданно задаваемые хлопцам, и даже обычные разговорные фразы буквально вводили в ступор большинство маленьких полячков.

То и дело какой-нибудь очередной «срезанный» выходил в коридор, где его встречали отчаянные, зачастую залитые слезами лица матерей и отцов. Давшие удовлетворительные ответы мальчишки по знаку инспектора возвращались на свои места. Когда были перебраны таким образом все кандидаты, их сотня с хвостиком сократилась до пятидесяти двух. Тогда пан Маевский рассадил оставшихся таким образом, чтобы между ними было довольно свободного места, и начал диктант. Когда собрали исписанные листки, начался другой экзамен, более конкретный и касающийся чистописания. На этот раз опрашивал сам инспектор, а пан Маевский вторил всему, что выделывал его начальник. Когда инспектор Сельдев хмурил свой низкий лоб или щурил глаза, пан Маевский принимал суровую мину; когда ехидно усмехался над нелепыми высказываниями малых «привислянцев», запутавшихся в паутине этимологии и синтаксиса – пан Маевский хихикал до упаду; когда инспектор бросал злобные взгляды на дверь и подавал знаки подглядывающим родителям, чтобы отошли от дверей и вели себя тихо – пан Маевский махал руками и судорожно гримасничал. Его стул стоял несколько позади стула инспектора, и эта позиция давала учителю вступительного класса возможность прекрасно наблюдать выражение лица гимназического магната. Однако случилось так, что инспектор в чисто российской манере начал выковыривать ногтем из зуба какое-то застрявшее там и беспокоящее волокно, при этом обнажил левую половину рта. Маевский, увидев ряд трухлявых зубов, прыснул внезапным смехом, на который не только Сельдев удивлённо оглянулся, но и даже Илларион Степаныч Озерский, называемый всеми учениками, жителями города Клерикова, коллегами учителями и членами собственной семьи «калмыком», вытащил палочку из уха, вытирачил белки глаз, ударил кулаком по столу и пробормотал:

– Да-с, это точно!

Мартин Борович относился к числу оставшихся в классе. Удержался даже после второго экзамена и даже удосужился благосклонного решения инспектора. Подавляющее боль-

шинство мальчишек, скопившихся в коридоре, уже могли бы покинуть гимназию, так как было ясно, что принятых будет тридцать с небольшим, и все они сидели в классе. Те счастливики, за исключением нескольких православных, да детей очень состоятельных и высокопоставленных родителей, были по удивительному стечению обстоятельств учениками пана Маевского. Так успешной сдачей экзамена они явили лучшее свидетельство его педагогических способностей и лишней раз показали, что значит перед поступлением в гимназию хотя бы даже пара уроков разговора с правильным ударением.

Невозможно описать радость пани Борович. Наблюдая через стекло, как Мартинка вызвали на середину, она испытала настоящий пароксизм всевозможных страданий. Вокруг себя видела отчаяние людей, у которых улетучились их самые сладкие надежды; она ощущала отчаянье их всех, ощущала и в то же время топтала ногами чужое несчастье и карабкалась как бы по трупам, гонимая своей любовью и своей надеждой.

Когда пан Маевский улыбался её сыну и когда после ответа указывал ему место на лавке, обожала этого профессора всеми силами сердца матери, которых невозможно ничем измерить; однако чуть позже, когда тот же педагог вышел из класса и кислой улыбкой встретил стену родителей и отринутых по его воле детей, почувствовала, что в ней, несмотря ни на что, раздирается растревоженное сердце, из которого вырывается глухая и смертельная ненависть. Пан Маевский шёл среди толпы, раздавая направо и налево поклоны особам, обращающимся к нему с мольбами, плачем и вопросами.

Вскоре после него вышел из класса и инспектор. Этот ни на кого не обращал внимания, а, когда какой-то худой человек зацепил его вопросом о том, как сдал его младший сынок, ответил по-русски громко и обращаясь ко всем:

– Не может быть хороших результатов, когда плохая подготовка. Дети не говорят по-русски, но тогда как же им учиться в школе, где дисциплины преподаются на этом языке. Необходимо выбросить из сердца гордыню и взяться за реформу. Только в том случае ребёнок может быть принят...

– За какую же реформу, пан инспектор, необходимо взяться? – спросил всё тот же худой. – Я хоть, по крайней мере, буду знать, чего мои хлопцы не умеют, чему должны ещё научиться, чтобы могли сдать во вступительный класс. Полтора года содержал для них учителя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.